

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ II

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка 117.

1908.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хорошева.

Николай Ивановичъ Любимовъ, имѣвшій нѣкогда значительное вліяніе на политическую дѣятельность Россіи на Востоѣ, мало кому извѣстенъ. Онъ не оставилъ никакихъ печатныхъ трудовъ, хотя имѣлъ большой запасъ интересныхъ матеріаловъ, собранныхъ имъ путемъ личныхъ наблюденій въ странахъ восточной и средней Азіи и полученныхъ отъ ориенталистовъ, съ которыми находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Никто не потрудился написать его біографію и указать его заслуги передъ государствомъ. Казалось, полное забвеніе должно быть удѣломъ Н. И. Любимова, и это навѣрное и случилось бы, если бы М. Б. Аничковой, вдовѣ извѣстнаго нашего посланника въ Персіи Н. А. Аничкова, находившагося въ дружбѣ съ Н. И., не удалось съ большой энергіей и настойчивостью отыскать на чердакѣ дома, гдѣ передъ смертію жилъ Н. И., его домашній архивъ. Въ этомъ архивѣ сохранились многочисленные записки, различные отчеты и проекты, когда либо написанные Н. И. за время его довольно продолжительной службы, всѣ его записныя книжки и дневники путешествій въ черновомъ видѣ. Большинство этихъ бумагъ теперь утратило практическое значеніе; но въ историческомъ отношеніи онѣ не лишены научнаго интереса. Для будущей исторіи нашей дипломатіи на Востокѣ записки Н. И. объяснятъ очень много того, что обыкновенно не заносится въ официальные документы; онѣ раскроютъ намъ тѣ идеи и планы, которыя въ свое время зарождались во время канцелярской работы и потомъ проводились въ области реальной политики и приносили на международной аренѣ тѣ или другіе результаты. Дневники и замѣтки Н. И. могли бы освѣтить, какъ внѣшнюю жизнь этого человека, такъ его умственную работу и его міровоззрѣніе; но они, вслѣдствіе сокращеній и неясныхъ намековъ, понятныхъ лишь самому писавшему, и, по неразборчивости, представляютъ

Николай Иванович Любимовъ.

материаль безнадёжный. Ознакомившись съ архивомъ Н. И., я нашёлъ возможнымъ обнародовать одинъ эпизодъ изъ его службы по министерству иностранныхъ дѣлъ. Но скажемъ сперва о самомъ Н. И.

Н. И. происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1808 г. Высшее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, откуда выпущенъ кондукторомъ въ 1828 г. и тогда же поступилъ на службу въ Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Служебная карьера Н. И. пошла довольно быстро: въ началѣ 1829 г. онъ былъ утвержденъ въ чинѣ коллежскаго секретаря, а въ октябрѣ того же года получилъ чинъ титулярнаго совѣтника; въ 1830 назначенъ начальникомъ 1-го стола 2-го отдѣленія. Въ томъ же году былъ по высочайшему повелѣнію откомандированъ къ ген.-маіору графу Толстому, назначенному для присутствія въ слѣдственной комиссіи въ г. Севастополѣ и оставался тамъ по февраль 1831 г. Въ апрѣлѣ 1832 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й ст., въ январѣ 1833 произведенъ въ коллежскіе ассесоры, въ 1835 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст.

Все эти награды, дававшіяся Н. И. почти ежегодно, надо объяснять не протекціею, которой у него не было, а его замѣтательною работоспособностью, очень цѣнимою начальствомъ. Сверхъ занятій по Азіатскому департаменту Н. И. состоялъ еще правителемъ дѣлъ высочайше учрежденнаго въ 1833 г. Комитета объ изысканіи новыхъ источниковъ дохода и сокращеніи расходовъ столицы, и оставался въ этой должности до закрытія Комитета въ 1838 г.

Въ 1836 г. Н. И. былъ назначенъ начальникомъ 2-го отдѣленія Азіатскаго департамента.

Въ апрѣлѣ 1840 г. Н. И., по избранію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, утвержденъ приставомъ для сопровожденія Російской духовной миссіи въ Пекинѣ. Во время пути и въ Китаѣ Н. И. велъ подробный дневникъ и при всякой возможности посылалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ подробныя донесенія о своей дѣятельности, какъ пристава, и своихъ наблюденій о китайцахъ. Въ особенности онъ обращалъ вниманіе на торговлю нашу съ Китаемъ и изучилъ этотъ вопросъ основательно¹⁾. Нося чисто дѣловой характеръ, донесенія Н. И.

¹⁾ По возвращеніи въ Петербургъ Н. И. подалъ въ августѣ 1842 г. въ министерство иностр. дѣлъ подробное донесеніе о Кяхтинской торговлѣ, которое было представлено Государю, написавшему на немъ: „Весьма любопытно; сообщить М. Ф., съ тѣмъ чтобы представилъ свое заключеніе“.

теперь показались бы скучными; но тогда они несомненно принесли большую пользу.

Чтобы оценить, какъ этотъ практическій ориенталистъ скоро освоился съ востокомъ, достаточно прочесть его записку о рѣкѣ Амурѣ, тамъ онъ предсказалъ тотъ путь, каковымъ можно было присоединить эту рѣку къ Россіи и что впоследствии было осуществлено гр. Муравьевымъ-Амурскимъ.

Изъ Китая Н. И. вернулся въ Петербургъ въ февралѣ 1842 г. съ предыдущей духовной миссіей. За исполненіе этого порученія онъ получилъ пожизненную пенсію въ 600 р. независимо отъ жалованья по службѣ и чинъ статскаго совѣтника. Въ апрѣлѣ 1843 г. Н. И. былъ назначенъ вице-директоромъ Азіатскаго департамента.

Тогда же возникъ вопросъ, сперва въ литературѣ, поднятый Е. П. Ковалевскимъ, „странствователемъ по сушѣ и морямъ“, а потомъ въ министерствѣ финансовъ—объ урегулированіи и оживленіи нашихъ торговыхъ сношеній съ западными провинціями Китая черезъ Чугучакъ и Кульджу. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, куда перешелъ этотъ вопросъ на разсмотрѣніе и заключеніе, свѣдѣній, сколько нибудь обстоятельныхъ, по данному предмету не оказалось; а между тѣмъ министерство это очень чутко относилось къ торговымъ предпріятіямъ нашего купечества, всѣми способами старалось поддержать его стремленіе къ завоеванію новыхъ рынковъ, и не могло остаться безучастнымъ въ данномъ случаѣ. Но, чтобы выступить по возникшему дѣлу съ достаточнымъ авторитетомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ рѣшило изучить торговыя условія на мѣстѣ при посредствѣ опытнаго лица. Роль секретнаго агента была возложена на Н. И., который подъ именемъ фридрихсгамскаго 2-й гильдіи купца Николая Иванова Хрошева совершилъ въ 1845 г. поѣздку въ Чугучакъ и Кульджу въ азіатскомъ востомѣ, какъ это тогда было необходимо. Лучшаго выбора министерство сдѣлать и не могло. Н. И., проѣхавшій вдоль всей Азіи съ запада на востокъ, основательно изучившій состояніе русской торговли въ Кяхтѣ и Пекинѣ, да и вообще человѣкъ наблюдательный, могъ дать и дѣйствительно далъ обстоятельныя свѣдѣнія о торговлѣ въ интересовавшемъ насъ районѣ. На содержаніе во время командировки Н. И. выдано единовременно 1500 р., назначено по 10 р. с. въ сутки столовыхъ и отпущены прогоны по положенію. За успѣшное исполненіе этого „особаго порученія“ и за труды, понесенные при семъ случаѣ, Н. И. былъ награжденъ чиномъ дѣйст. ст. совѣтника и орде-

номъ св. Владиміра 3-й ст. (2 марта 1846). Въ ноябрѣ 1848 г. онъ получилъ орденъ Станислава 1-й ст., а въ 1850 г. единовременное награжденіе въ 1000 червонцевъ. Слѣдствіемъ этой поѣздки было учрежденіе по договору съ Китаемъ въ 1851 г. русской факторіи и консульства какъ въ Чугучакѣ такъ и въ Кульджѣ. Въ Чугучакѣ былъ назначенъ консуломъ докторъ Татариновъ, а въ Кульджу И. И. Захаровъ, оба вышедшіе изъ той миссіи, которую сопровождалъ Н. И. Первое изъ этихъ консульствъ просуществовало недолго, оно упразднилось, когда Чугучакская факторія была сожжена вѣтайскою чернью въ 1855 году, за что правительство уплатило вознагражденіе потерпѣвшимъ 200.000 р.

Въ февралѣ 1852 г. Н. И. былъ назначенъ директоромъ азіатскаго департамента, въ томъ же году получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., въ 1855 г. орденъ св. Владиміра 2-й ст. и въ 1856 г. чинъ тайнаго совѣтника.

Послѣдствія Крымской войны отозвались на личномъ составѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. 20 сентября 1856 г. Н. И. былъ назначенъ сенаторомъ въ 5-й департаментъ, а мѣсто директора Азіатскаго департамента занялъ Е. П. Ковалевскій, тоже сопровождавшій въ качествѣ пристава духовную миссію въ Пекинъ. Съ 1858 г. Н. И. сталъ присутствовать въ первомъ департаментѣ сената. Въ 1860 г. награжденъ орденомъ бѣлаго орла. Въ 1867 г. пожалованъ арендой въ 2500 руб. Послѣдняя награда—орденъ св. Александра Невскаго.

Скончался Н. И. 19 августа 1875 г. въ Гаисѣ (въ Швейцаріи) отъ разрыва сердца.

Оставивъ дипломатическую службу, Н. И. не переставалъ интересоваться политикой и по поводу нѣкоторыхъ событій высказывалъ на нихъ свой взглядъ и здраво судилъ о нихъ, но никогда не выступалъ печатно, а обмѣнивался своими впечатлѣніями съ близкими людьми письменно. Нѣсколько такихъ писемъ было опубликовано Н. П. Барсуковымъ въ XX томѣ сочиненія „Жизнь и труды М. П. Погодина“ (Слб. 1906).

Н. Веселовскій.

Извлеченіе изъ журнала бывшаго въ 1843 г. Комитета о Кяхтинской торговлѣ.

О торговлѣ съ Западною границею Китая.

Говоря вообще о нашей торговлѣ съ Китаемъ, сосредоточенной теперь въ Кяхтѣ,—пунктѣ, назначенномъ по трактату для торговыхъ сношеній обоихъ народовъ,—Комитетъ не могъ не обратить своего вниманія на другую часть нашей границы съ Китаемъ, а именно: на Семипалатинскъ, какъ пунктъ, чрезъ который также производятся торговые сношенія съ Западною частью Китая, съ западными городами его Чугучакомъ и Гульджею,—хотя сношенія сіи, не бывъ установлены никакимъ трактатомъ, дѣлаются теперь тайно, безъ вѣдома Китайскаго правительства. Торговля семипалатинская, производимая нашими купцами Западной Сибири, которые отправляются туда подъ видомъ азіатцевъ и степныхъ жителей, скрывая, что они русскіе подданные,—съ нѣкотораго времени—стала болѣе и болѣе обращать на себя общее вниманіе. *По мнѣнію многихъ людей*, сей торговый путь, по большому удобству его и краткости, могъ бы сдѣлаться весьма важнымъ для нашихъ торговыхъ видовъ въ отношеніи къ Китаю, и распространить, вообще, торговые обороты съ симъ государствомъ, безъ вреда притомъ кяхтинской торговлѣ, такъ какъ торгъ съ Чугучакомъ и Гульджею производится на другой оконечности Китайскихъ владѣній; но что для успѣха сего торговаго нужно, чтобы оный былъ дозволенъ Китайскимъ правительствомъ и производился открыто.

Комитетъ, не имѣя надлежащихъ данныхъ и свѣдѣній, дабы судить о сей торговлѣ съ Западною границею Китая и о видахъ, которые она можетъ представлять въ будущемъ, при правильномъ ея установленіи,—долгомъ считаетъ только изъяснить свое мнѣніе на счетъ пользы собранія подобныхъ свѣдѣній, которыя могли бы поставить Правительство въ возможность обсудить сей важный вопросъ и рѣшить: слѣдуетъ-ли что-либо предпринять для учрежденія сей торговли на правильныхъ основаніяхъ,—что, конечно, не можетъ сдѣлаться безъ сношеній и переговоровъ съ Китайскимъ правительствомъ. Большая краткость и удобство пути отъ Семипалатинска до Нижняго и Москвы, нежели отъ Кяхты до сихъ мѣстъ, не требуютъ никакого доказательства. Извѣстно также, что и путь чрезъ Киргизскія

степи до Чугучака и до самой Гульджи не представляет особенных затруднений; но къ рѣшенію въ этомъ дѣлѣ подлежатъ другіе важные вопросы, и именно: 1) До какой степени труденъ или удобенъ путь отъ Чугучака и Гульджи до самаго Китая,—до провинцій омаго, отъ коихъ западныя владѣнія сего государства отдѣлены степью и пустыней? 2) Какіе предметы могутъ представлять для нашей торговли сіи собственно Китайскія провинціи, которыя, находясь ближе къ означенной Западной границѣ, могли бы войти въ торговые съ нами обороты чрезъ поманутые пункты, въ случаѣ устройства тамъ правильной торговли? 3) Какіе виды представляетъ для сей торговли самая Западная граница сія, т. е. Илійская область (гдѣ находятся Гульджа и Чугучакъ), а также прилегающая къ сей области съ юга Малая Бухарія, или Восточный Туркестанъ, съ городами Аксу, Кашгаромъ и Яркендомъ? 4) Такъ какъ Чугучакъ и Гульджа суть ничто иное, какъ военныя колоніи Китайцевъ, то въ случаѣ даже учрежденія тамъ правильной торговли, не будетъ ли китайское купечество чуждаться сихъ мѣстъ, какъ теперь оно ихъ чуждается (хотя, можетъ быть, теперь это происходитъ отъ другихъ причинъ, которыя съ открытіемъ законной торговли миновались бы)? 5) Полезно также сообразить: на какихъ, именно, основаніяхъ должна быть установлена сія торговля съ Западомъ Китая, дабы она не могла вредить кяхтинской.

Безъ разъясненія сихъ и подобныхъ вопросовъ ничего положительнаго нельзя сказать о сей торговлѣ и будущихъ ея выгодахъ; слѣдовательно и входить въ какія-либо объ оной оцѣненія съ Китайскимъ правительствомъ было бы мѣрою преждевременною и могущею, въ случаѣ неосуществленія нашихъ надеждъ, повести только къ напраснымъ переговорамъ съ Китайцами (успѣшное окончаніе каковыхъ переговоровъ во всякомъ случаѣ будетъ не безъ затрудненія).

По симъ уваженіямъ Комитетъ находилъ бы весьма полезнымъ: до приступленія къ какимъ-либо особымъ дѣйствіямъ—отправить довѣренное лицо въ Семипалатинскъ съ тѣмъ, чтобы проникнуть далѣе въ Чугучакъ и Гульджу, и собрать тамъ на мѣстѣ необходимыя для насъ свѣдѣнія.

Учрежденіе правильной торговли съ Китаемъ на другомъ еще пунктѣ, кромѣ Кяхты, есть, безъ сомнѣнія, дѣло важное для нашей промышленности, для коей, быть можетъ, открылись бы чрезъ то новыя истоки,—и обстоятельство это особенное заслуживаетъ вниманіе при нынѣшнемъ положеніи нашихъ тор-

говыхъ сношеній съ Китаемъ и вслѣдствіе недавнихъ политическихъ событій въ семъ государствѣ; по каковымъ уваженіямъ Комитетъ и полагаетъ, что весьма бы полезно было, не теряя времени, приступить къ собранію нужныхъ для насъ свѣдѣній и къ тѣмъ предварительнымъ дѣйствіямъ, по вышеизложенному предмету, которыя оказываются необходимыми въ видахъ поддержанія и развитія нашей съ Китаемъ торговли, съ успѣхами коей тѣсно связаны успѣхи отечественной промышленности.

Въ заключеніе Комитетъ положилъ: представить сей окончательный журналъ своихъ засѣданій на дальнѣйшее усмотрѣніе г-на вице-канцлера.

Донесеніе Н. И. Любимова о поѣздкѣ въ Чугучакъ и Кульджу.

Его сіятельству господину государственному канцлеру статскаго совѣтника Любимова

Д О Н Е С Е Н І Е.

По докладу вашего сіятельства состоялось въ минувшемъ году Высочайшее повелѣніе объ отправленіи меня въ западные китайскіе города, Чугучакъ и Кульджу, для собранія нужныхъ свѣдѣній о тамошней торговлѣ, производимой чрезъ Семипалатинскъ. Главная цѣль сей посылки состояла въ томъ, чтобы на самыхъ мѣстахъ изслѣдовать сію торговлю и вникнуть въ вопросъ: можетъ ли она распространиться съ западными областями Китая и какія могли бы быть употреблены вѣрнѣйшія къ нему средства?

Такъ какъ успѣхъ сего порученія зависѣлъ наиболѣе отъ того, чтобы тайна посылки лица для собранія всѣхъ сихъ свѣдѣній не могла быть проникнута не только азіатцами, но даже нашимъ купечествомъ,—то предположено было: 1) отправить меня подъ видомъ купца, намѣревающагося сдѣлать опыты торговыхъ сношеній съ помянутыми китайскими городами; 2) придать мнѣ переводчика, знающаго татарскій языкъ и который былъ бы при мнѣ въ качествѣ приказчика; 3) снабдить меня небольшою партіею товаровъ, дабы такимъ образомъ отвратить лишніе толки и подозрѣнія со стороны торгующихъ; 4) самую поѣздку изъ Семипалатинска произвести чрезъ посредство тамошняго купца Самсонова, на котораго г. генераль-губернаторъ Западной Сибири указалъ, какъ на человѣка, вполне благонадежнаго.

Все учинено было согласно съ вышеозначенными предначертаніями.

Я пріѣхалъ въ Семипалатинскъ 19 мая прошлаго г., уже подъ видомъ купца *Хорошева*, съ переводчикомъ Костромитиновымъ, названнымъ въ паспортѣ *Фейзуллою Ибраимовымъ*; по прибытіи немедленно вошелъ въ сношенія съ купцомъ Самсоновымъ на счетъ дальнѣйшей поѣздки; принялъ въ свое вѣдѣніе бывшіе уже въ Семипалатинскѣ товары; отправился затѣмъ, вмѣстѣ съ Костромитиновымъ (оба переодѣтые въ азіатское платье) въ Чугучакъ, потомъ въ Кульджу, откуда возвратился по новому пути, чрезъ Большую Орду, — и теперь долгомъ поставляю, съ разрѣшенія вашего сіятельства, представить предварительно токмо краткій очеркъ сдѣланнаго мною путешествія. Что же касается до отвѣтовъ на вопросы, изъясненные въ данной мнѣ инструкціи, и до всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ по торговой части, то оныя составляютъ предметъ особаго отчета, который буду имѣть честь представить немедленно по приведеніи въ порядокъ моихъ записокъ.

Караванъ, съ которымъ я отправился изъ Семипалатинска 5-го іюня, слѣдовалъ прямо въ Кульджу, а потому, чтобы захватить въ Чугучакъ, мнѣ надобно было въ степи отъ онаго отдѣлиться и слѣдовать уже особо, малымъ караванцемъ, состоявшимъ изъ 13 верблюдовъ. Мы сначала шли чрезъ кочевья подвластныхъ Россіи киргизовъ Средней Орды (семизнаймановъ, мурунцевъ и сувановъ); потомъ, переправясь чрезъ Тарбагатай, вышли уже на китайскую сторону и продолжали слѣдовать по кочевьямъ киргизовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ байджигитовъ, которые хотя и считаются въ китайскомъ подданствѣ, но подданство это болѣе мнимое, нежели дѣйствительное. Киргизы эти по временамъ производятъ въ степи шалости и даже причиняютъ обиды купцамъ, слѣдующимъ чрезъ ихъ мѣста незначительными караванами. Намъ, однако же, удалось пройти всѣ ихъ кочевья безъ всякихъ непріятныхъ приключеній, хотя и встрѣчали тамъ и самъ воровскія партіи сихъ киргизовъ, отправлявшихся на баранту противъ своихъ сосѣдей. Караванъ нашъ достигъ Чугучака 5 іюля, бывъ съ послѣдняго китайскаго караула провожаемъ (какъ обыкновенно водится) китайскими караульными чиновниками, которые, сдѣлавъ опись нашимъ товарамъ, заявили обо всемъ китайскому таможенному начальству.

Въ Чугучакѣ нашли мы множество всякаго торговаго народа: большая часть были ташкенцы, живущіе въ степи и въ

Семипалатинскѣ, и затѣмъ наши татары (многіе изъ нихъ— бѣгле, проживающіе также въ степи, подъ названіемъ чалаксаковъ); изъ русскихъ же всего было 3 человека (приказчики двухъ купцовъ изъ Устькаменногогорска). Должно при семъ замѣтить, что по близости отъ нашей границы Чугучакъ (отстоящаго отъ Семипалатинска въ 450 верстахъ), туда отправляются частые караваны, начиная съ мая и до глубокой осени (между тѣмъ какъ въ Кульджу караванъ отходитъ изъ Семипалатинска только разъ въ годъ, въ лѣтнее время). Путь, по которому они, обыкновенно, слѣдуютъ въ Чугучакъ, лежатъ чрезъ Кокбетинскій округъ и Тарбагатай, который они проходятъ въ мѣстѣ, называемомъ Сай-асу; рѣдкіе слѣдуютъ чрезъ Аягувскій округъ, ибо дорога на Аягувъ, хотя также довольно удобная, нѣсколько длиннѣе и болѣе представляетъ опасности со стороны кочующихъ за Тарбагатаемъ байджиитовъ. Въ Чугучакѣ, вообще, лѣтомъ безпрестанное движеніе,—прививъ и отливъ купечества; но всѣ эти купцы ничто иное, какъ мелочники, привозящіе, вообще, посредственный товаръ. Самымъ значительнымъ купцомъ считается живущій въ Семипалатинскѣ тапкенецъ Ибрагимъ Амировъ, отправляющій ежегодно въ Чугучакъ товаровъ тысячъ на 15 рублей серебромъ.

Всѣ торговцы, по прибытіи въ Чугучакъ, размѣщаются на небольшомъ дворѣ, обнесенномъ глиняною стѣною и совершенно открытомъ (дворъ этотъ именуется *курманомъ*); товары же складываются въ китайскую таможену, въ находящіяся тамъ особня кладовыя. Днемъ торговцы пользуются нѣкоторою свободою, т.-е. могутъ выходить на степную сторону, имѣть сношенія съ приходящими къ нимъ китайскими купцами и покупать отъ китайскихъ мелочниковъ съѣстные припасы и т. п.; но въ китайскій городъ и къ самимъ китайскимъ купцамъ, съ которыми производятъ мѣстовую торговлю, не могутъ ходить иначе, какъ съ разрѣшенія начальства и въ сопровожденіи таможенного служителя. Вечеромъ всѣхъ запираютъ въ вышеозначенномъ дворѣ, гдѣ, кромѣ людей, помѣщается также и весь караванный скотъ: цѣлыя сотни верблюдовъ, лошадей, барановъ и т. п. Насъ, по прибытіи, помѣстили въ этомъ же дворѣ.

Я не буду входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности о торговлѣ нашей съ Чугучакомъ и вообще съ западными областями Китая, такъ какъ всѣ эти подробности должны составить предметъ особаго донесенія вашему сіятельству; но, въ дополненіе къ вышеизложенному, не излишнимъ считаю присовокупить: что, какъ мнѣ кажется, торговля съ Западомъ Китая могла

бы скоро развиться и сдѣлаться немаловажною для нашей промышленности, *если бы она производилась на иныхъ основаніяхъ* — на основаніяхъ правильныхъ и была *китайскимъ правительствомъ* дозволена. При теперешнемъ положеніи, все зависитъ отъ снисхожденія китайскихъ мѣстныхъ властей, — отъ произвола ихъ; ничего нѣтъ опредѣленнаго и законнаго: таможенный китайскій чиновникъ, который сегодня принимаетъ купца съ благосклонностію и ласкою, завтра же, по личнымъ какимъ-нибудь видамъ, безъ всякихъ законныхъ причинъ, можетъ заковать его въ колоды и даже висѣчь плетми, чему и бывали примѣры; самое помѣщеніе для пріѣзжающаго купечества есть своего рода пытка. Разумѣется, что при такомъ порядкѣ, капиталныхъ людей въ этой торговлѣ съ нашей стороны нѣтъ и быть не можетъ, а производить ее, какъ выше сказано, мелочники и всякіе азіатцы. Между тѣмъ, потребность на наши произведенія, мануфактурныя и другія, *тамъ существуетъ въ высшей степени*, что и доказываетъ возможность развитія нашей торговли, которая даже при теперешнемъ стѣсненномъ ея положеніи, при всемъ томъ, что производится, такъ сказать, *торашами*, — съ годами растетъ, (но растетъ медленно). Китайскихъ товаровъ, преимущественно чая, можетъ привозиться сколько угодно, если только нашихъ товаровъ будетъ идти туда болѣе, особенно, если оные будутъ добротнѣе. Купцы китайскіе, видя у меня товары лучшаго качества, нежели какіе доселѣ туда привозились, отъ души этому радовались, убѣдительно прося меня продолжать и на будущее время начатую съ ними торговлю.

Во время пребыванія моего въ Чугучакѣ я удостоился быть приглашеннымъ къ таможенному амбану (начальнику всей Чугучакской области). Амбанъ, узнавъ, что прибылъ русскій купецъ изъ столицы, пригласилъ меня къ себѣ вмѣстѣ съ моими приказчиками. Пріемъ былъ весьма благосклонный и я воспользовался онымъ, чтобы спросить, между прочимъ, у амбана: могутъ ли на будущее время русскіе торговцы пріѣзжать въ Чугучакъ не переряженные въ азіатское платье, а въ русской своей одеждѣ? Амбанъ отвѣчалъ: „что торговля въ Чугучакѣ дозволена, со стороны ихъ правительства, только *англичанами*, т.-е. *танкентцамъ* и *кокандцамъ*, а потому русскіе должны пріѣзжать туда въ азіатскомъ нарядѣ“; отвѣтъ весьма странный въ устахъ китайскаго начальника и доказывающій, до какой степени сами китайскіе чиновники желаютъ поддерживать эту съ нами торговлю при всей ея *незаконности* (поддерживать, разумѣется, въ теперешнемъ ея видѣ, получая значительныя

отъ нея выгоды); большая часть товаровъ, взимаемыхъ теперь китайскимъ начальствомъ въ пошлину, идетъ, какъ мнѣ сказывали сами китайскіе купцы, въ карманъ амбана и таможенныхъ чиновниковъ.

Товары, взятые мною въ Чугучакъ, промѣнены тамъ большею частью на чай, который съ нѣкотораго времени уже началъ составлять и въ этихъ мѣстахъ главную статью китайской торговли, до того, что, кромѣ байхового чая, другихъ китайскихъ товаровъ вымѣнивать нашимъ купцамъ становится годъ отъ году труднѣе. Обстоятельство это также заслуживаетъ особеннаго вниманія, и въ отчетѣ, который я буду имѣть честь представить по торговой части, донесу объ этомъ подробнѣе.

Изъ Чугучака выѣхали мы 18-го іюля. Слѣдовать малымъ нашимъ караванцемъ до Кульджи было невозможно по разнымъ причинамъ и по опасности пути, ибо далѣе за байджигитами кочуютъ кызайцы, народъ еще болѣе дикій и необузданный, и потому, что еще неизвѣстно было, какъ китайскія власти примутъ русскаго торговца въ Кульджѣ, гдѣ торгуютъ одни наши ташкентцы, въ Семипалатинскѣ проживающіе (за исключеніемъ лишь одного приказчика купца Самсонова, отправляющагося туда тоже подъ видомъ азіатца). По симъ уваженіямъ, дошедъ до овера Ала-куля, мы рѣшились въ кочевьяхъ тѣхъ же байджигитовъ ожидать прибытія кульджинскаго каравана, съ которымъ напередъ было условлено, гдѣ и когда съ онымъ соединиться, дабы потомъ уже вмѣстѣ слѣдовать до самой Кульджи. Караванъ этотъ, вмѣсто того, чтобы притти въ Ала-кулю 25-го іюля, какъ предполагалось, пришелъ почти мѣсяцемъ позже. Все это время мы жили въ аулахъ одного киргизскаго старшины, съ которымъ и перекочевывали съ мѣста на мѣсто, въ ожиданіи каравана. Киргизъ этотъ, у котораго мы имѣли пристанище, былъ человѣкъ пользующійся большимъ вѣсомъ между своими единоплеменниками — и это избавило насъ отъ разныхъ неприяностей. Наконецъ, кульджинскій караванъ прибылъ 19-го августа. По соединеніи съ нимъ мы продолжали слѣдовать въ Кульджу, сначала вдоль восточнаго берега озера Ала-куля, а потомъ чрезъ кочевья кызайцевъ и бегимбетовъ и чрезъ разные хребты горъ (Тохту, Канджигу и Талку). Съ Тохтинскаго хребта начинаются китайскіе караулы, по цѣпи которыхъ мы и слѣдовали до самой Кульджи. Караванъ нашъ состоялъ изъ 400 верблюдовъ; купцовъ съ работниками, вожаками и приставшими къ намъ киргизами было до сотни. При караванѣ, кромѣ товаровъ, было 8 т. барановъ, вымѣненныхъ

въ степи, по мѣрѣ того, какъ караванъ подвигался къ Кульдѣжѣ. На каждомъ китайскомъ караулѣ насъ пересчитывали, записывая верблюдовъ, барановъ и самое число тюковъ и сдавая все по счету слѣдующимъ караульнымъ начальникамъ.

Въ Кульдѣжу вступили 9-го сентября. Насъ расположили на обычномъ мѣстѣ, въ 1¹/₂ версты отъ города, вондъ самой рѣки Или; товары же, какіе находились при караванѣ, на другой день потребованы были въ таможенію и тамъ размѣщены въ особыхъ кладовыхъ.—Эпоха, въ которую мы прибыли въ Кульдѣжу, была для торговли совершенно новая и весьма любопытная: доселѣ торговля въ Кульдѣжѣ производилась на иныхъ основаніяхъ нежели въ Чугучакѣ: въ послѣднемъ изъ сихъ мѣстъ пріѣзжающіе съ товарами торговцы имѣютъ дѣло собственно съ китайскими купцами; въ казну же китайскую ничего не продаютъ, внося только положенную пошлину,—по 1-й штукѣ съ 10-ти каждаго товара, за *половинную цѣну* (т. е. 5⁰/₁₀₀),—каковая половинная цѣна опредѣляется особымъ тарифомъ. Въ Кульдѣжѣ напротивъ того купцы доселѣ всегда торговали съ китайскою казною, которая за извѣстную цѣну покупала у нихъ часть товаровъ и за тѣмъ уже остальную позволяла потомъ предавать на волю желающимъ, т. е. китайскимъ купцамъ. Въ истекшемъ же 1845 году кульдѣжинское купечество, съ разрѣшенія высшаго своего правительства, измѣнило этотъ порядокъ и приняло тотъ, который существуетъ въ Чугучакѣ, сдѣлавъ такимъ образомъ торговлю *вольною* и взиная въ казну извѣстную часть товаровъ въ видѣ пошлины. Новый этотъ порядокъ безъ сомнѣнія во всѣхъ отношеніяхъ лучше прежняго и болѣе можетъ способствовать развитію торговли; но тапшентцы наши, привозящіе въ Кульдѣжу преимущественно всякій плохой товаръ и опасавшіеся, что имъ трудно будетъ сбыть оный китайскимъ купцамъ, были недовольны измѣненіемъ прежнихъ правилъ и стали сначала просить о возстановленіи прежняго образа производства торговли. При этомъ случаѣ я позволилъ себѣ сдѣлать имъ нѣкоторые внушенія и склонилъ ихъ оставить вышеизъясненное домогательство, а ограничиться только просьбою объ отмѣнѣ, или уменьшеніи самой пошлины, которая положена была съ нашихъ товаровъ вдвойнѣ, будучи взимаема и при предъявленіи въ таможенію (съ пріѣзжающихъ купцовъ) и съ самихъ китайцевъ, при вымѣнѣ сихъ товаровъ отъ нашего каравана. Переговоры объ отмѣнѣ, или уменьшеніи пошлины продолжались цѣлый мѣсяцъ. Во весь этотъ мѣсяцъ не только воспрещены были китайскимъ купцамъ всякія сообщенія съ

нашимъ караваномъ, но даже (чтобы заставить пась на все безусловно согласиться) держали караванъ нѣсколько дней какъ бы въ осадномъ положеніи: не пропускали къ намъ ни хлѣба и прочихъ стѣстныхъ припасовъ, ни сѣна для нашего скота. Наконецъ дѣло кончилось болѣе или менѣе по желанію купечества: кульджинское начальство въ пошлинѣ сдѣлало значительную сбавку противъ Чугучака, и хотя, также какъ тамъ, взимаетъ одну десятую съ русскихъ товаровъ, за полцѣны, но эта полуцѣна въ Кульджѣ по многимъ статьямъ равняется полной цѣнѣ, такъ что для купечества пошлина эта нисколько не отяготительна. Обстоятельство эта, и въ особенности то, что торговля въ Кульджѣ будетъ отнынѣ производиться съ китайскимъ купечествомъ, а не съ казною, благопріятствуетъ нашимъ сношеніямъ съ сею китайскою областію и можетъ послужить до нѣкоторой степени къ ихъ развитію.

Кульджа, находясь въ болѣемъ отдаленіи отъ нашей границы нежели Чугучакъ (въ разстояніи 900 верстъ), въ этомъ отношеніи представляетъ какъ бы менѣе удобствъ нежели сей послѣдній пунктъ; но взамѣнъ того она населеннѣе, болѣе въ ней купечества, и самые товары въ ней разнообразнѣе: кромѣ чая въ Кульджѣ вымѣниваются разныя шелковыя матеріи (канфы, фанзы, крѣпи и т. п.). Сверхъ того она ближе къ Кашкаріи. Но тѣ же препятствія, какія существуютъ для чугучакской торговли, встрѣчаются и здѣсь — и онѣ таковы, что безъ устраненія сихъ препятствій, безъ установленія *правильной съ китайцами торговли*, она не можетъ развиваться въ желаемой степени. Нельзя при этомъ еще не указать на одно обстоятельство довольно важное: часть нашихъ мануфактурныхъ товаровъ, промѣниваемыхъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, а именно: нанка, коленкоръ, миткаль, ситецъ, бумажные платки, и т. п., идутъ чрезъ городъ Урумджи ¹⁾ преимущественно въ Кашкарію и требованіе на подобнаго рода издѣлія тамъ столь значительно, что наши товары не удовлетворяютъ и десятой доли тамошнихъ потребителей, и можетъ быть отъ этого съ нѣкотораго времени началъ усиливаться привозъ въ Кашкарію англійскихъ товаровъ. Замѣчательно еще то, что большая часть этихъ англійскихъ бумажныхъ издѣлій проникаетъ туда не изъ

¹⁾ Урумджи находится за великою китайскою стѣною, на пути-изъ Китая въ Джунгарію и Кашкарію; въ этомъ городѣ находятся главные конторы китайскихъ купцовъ, торгующихъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и въ городахъ Кашкаріи.

Индіи чрезъ Тибетъ (не смотря на то, что это ближайшій туда путь), а изъ самаго Китая, проходя изъ китайскихъ портовъ, чрезъ всѣ внутреннія китайскія провинціи, за великую стѣну, въ Урумджи, а оттуда уже въ Кашкарію. Обо всемъ этомъ мнѣ говорили и китайскіе купцы и нѣкоторые изъ ташкентцевъ, которые были въ Кашкарѣ, Яркентѣ и Аксу,—такъ что обстоятельство это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. По большей несравненно для насъ краткости пути въ Кашкарію, по могущей отъ сего быть большей дешевизнѣ тамъ нашихъ товаровъ, казалось бы, они могли вытѣснить оттуда англійскіе, особенно если бы привозились лучшаго качества. Прежде съ нашей стороны были дѣланы опыты *непосредственныхъ сношеній съ Кашкаріею*: послѣдній караванъ ходилъ туда изъ Семипалатинска въ 1824 году (онъ принадлежалъ семипалатинскому купцу Попову); но съ тѣхъ поръ усилившіеся безпорядки въ Большой Ордѣ и между Дикокаменными киргизами, чрезъ кочевья коихъ лежитъ караванный путь въ Кашкарію, служили постояннымъ препятствіемъ къ возобновленію подобныхъ опытовъ, и такимъ образомъ Кашкарія начала уже подчиняться торговому вліянію Англии. Теперь обстоятельства въ Большой Ордѣ и въ странѣ Дикокаменныхъ киргизовъ измѣнились къ лучшему и, при нѣкоторыхъ съ нашей стороны мѣрахъ, могли бы значительно содѣйствовать всякимъ торговымъ видамъ нашего правительства въ отношеніи къ Кашкаріи.

Во время всего пребыванія моего въ Кульдѣжѣ я не скрывалъ, что я русскій, какъ не скрывалъ и въ Чугучакѣ и это не подвергло меня никакимъ непріятностямъ, не смотря на то, что въ Кульдѣжѣ, какъ выше замѣчено, ѣздятъ почти исключительно одни наши Ташкентцы. Главное, чего должно было опасаться, это чтобы китайцы не проникли, что въ караванѣ находится русскій чиновникъ, посланный отъ правительства. Но по особенно счастливому стеченію обстоятельствъ и по мѣрамъ, принятымъ съ самаго начала министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, тайна эта не была китайцами проникнута.

Засимъ, долгомъ считаю донести, что въ бытность мою въ Кульдѣжѣ мнѣ удалось, при пособіи моихъ спутниковъ, склонить китайцевъ на позволеніе каравану возвратиться по другому пути, гораздо удобнѣйшему, именно: чрезъ Большую Орду и такъ называемыя *Семь-рты*. Караваны наши обыкновенно слѣдуютъ въ Кульдѣжѣ, какъ выше замѣчено, чрезъ Тарбагатай, мимо озера Алауля (по восточной его сторонѣ); потомъ чрезъ разные хребты горъ, преодолевая множество всякаго рода труд-

ностей и препятствій, самою природою воздвигаемыхъ. Вотъ уже лѣтъ 40 какъ они ходятъ по этому пути, а чрезъ Семь-рѣкъ, или Большую Орду не пускаются изъ боязни кочующихъ тамъ киргизовъ. Ъдучи въ Кульджу и въ самой Кульджѣ отъ разныхъ людей я узналъ, что путь этотъ не такъ страшенъ, какъ мнѣ объ немъ рассказывали въ Семипалатинскѣ; къ тому же въ послѣднее время въ Большой Ордѣ совершились новыя благопріятныя для насъ обстоятельства. Киргизы этой Орды, которые прежде считали себя въ китайскомъ подданствѣ, стали проситься, и весьма усильно, въ русское подданство. Сообразивши все это, я рѣшился просить у китайскаго начальства дозволенія возвратиться чрезъ Семь-рѣкъ (иначе, безъ сего позволенія, насъ не пропустили бы чрезъ ихъ караулы). Китайцы долго упорствовали намъ въ отказѣ; но наконецъ, по разнымъ убѣдительнымъ нашимъ доводамъ, которые были поддержаны нѣкоторыми подарками, склонились на наше домогательство. Въ слѣдствіе этого я отправился изъ Кульджи *по новому пути*, съ переводчикомъ Костромитиновымъ и ташкентцемъ Рахимджаномъ Беделевымъ, оказавшимъ во всемъ этомъ дѣлѣ особенныя услуги; прочіе же купцы и вообще весь караванъ, за исключеніемъ нашего, возвратились по прежней дорогѣ.

Новый путь оказался удобнымъ выше нашего ожиданія: горъ никакихъ нѣтъ кромѣ легкаго переѣзда чрезъ Югантасъ (отрасль хребта Алатау); вездѣ рѣки (не затрудняющія нисколько хода каравановъ); вездѣ отличныя кормы для скота (даже въ зимнее время) и ни малѣйшаго недостатка въ топливѣ; между тѣмъ какъ по прежнему пути во всемъ этомъ недостатокъ, особенно въ зимнее время. Киргизы же не только не дѣлали намъ никакихъ обидъ и притѣсненій, но принимали вездѣ съ особеннымъ изъясненіемъ дружества; главный батырь ихъ (наѣздникъ), къ которому мы обратились, далъ намъ даже двухъ сыновей своихъ въ провожатые. Путь нашъ лежалъ чрезъ упомянутую отрасль хребта Алатау и чрезъ рѣки: Кузь-су, Караталъ, Акъ-су, Лепъ-су и Аягузь, впадающія въ озеро Балкашъ. Китайцы нѣкогда изъясняли притязанія на сіи мѣста, начиная съ Каратала и далѣе къ югу; но вліяніе ихъ тамъ давно кончилось и съ тѣхъ поръ земли эти были, если не въ полномъ владѣніи, то подъ вліяніемъ ховандцевъ.

Обо всемъ этомъ также будетъ въ подробности изъяснено въ своемъ мѣстѣ. Проѣздъ чрезъ Большую Орду поставилъ меня въ возможность собрать довольно подробныя свѣдѣнія о киргизахъ сей Орды и о Диковаменныхъ киргизахъ, которые при

теперешнемъ положеніи нашей торговли, повидимому, заслуживаютъ особенное вниманіе.

Мы выѣхали изъ Кульджи 14-го ноября, и 10-го декабря были уже въ Семипалатинскѣ. По времени года можно было ожидать сильныхъ морозовъ и бурановъ; но путешествіе наше и въ этомъ отношеніи совершилось весьма счастливо безъ малѣйшихъ непріятныхъ послѣдствій. По прибытіи въ Семипалатинскъ я сдалъ въ таможеню всѣ вымѣненные въ Кульджѣ и Чугучакѣ китайскіе товары, большею частью чай и разныя шелковые матеріи, нѣкоторые же въ видѣ образцовъ отправилъ въ С.-Петербургъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ находятся предметы, которые, повидимому, могли бы составить новыя статьи торговли.

Въ заключеніе обязанностию считаю засвидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ объ отличномъ усердіи бывшаго при мнѣ переводчика Костромитинова, который въ продолженіе всего путешествія былъ мнѣ весьма полезенъ, какъ по знанію татарскаго языка, такъ и по дѣятельности и распорядительности своей.

С.-Петербургъ,
11-го февраля 1846 г.

Докладная записка г. генералъ-губернатору Западной Сибири.

Вашему сіятельству угодно было, чтобы я представилъ свѣдѣнія, какія собралъ въ проѣздъ чрезъ Большую Орду о султанахъ и прочихъ лицахъ, пользующихся вліяніемъ между киргизами сей орды, извѣстными подъ общимъ наименованіемъ юсунцевъ¹⁾.

Во исполненіе сего требованія честь имѣю донести: что власть султановъ въ послѣднее время вообще упала, и теперь между юсунцами существуетъ почти совершенное безначалье: многіе батыры пользуются гораздо большимъ вѣсомъ, нежели самыя султаны ихъ. Изъ сего слѣдуетъ однако-же исключить султановъ Галія Адилева и племянника его султана Хакима,

¹⁾ Юсунцы раздѣляются на нѣсколько родовъ, но главные изъ нихъ суть дулаты. Къ нимъ принадлежатъ султаны: Хакимъ, Галій и Батырь Тойчубекъ, о которомъ ниже въ подробности упоминается.

сына покойнаго султана Кулана ¹⁾. Первый изъ нихъ кочуетъ около устья Кузь-су; а второй ближе къ китайскимъ карауламъ.

Что же касается до султана Иргали, иначе называемаго Кучюномъ (брата Галия), имѣющаго отъ нашего правительства нѣкоторые знаки отличія, то онъ не имѣетъ никакого особеннаго вѣса ²⁾.

То же самое можно сказать о престарѣломъ Сюкѣ Аблай-хановѣ, кочующемъ на Караталѣ, который заслуживаетъ только вниманіе по своей постоянной и испытанной преданности русскому правительству.

Затѣмъ изъ киргизскихъ батырей, кромѣ Тойчубека (съ которымъ я имѣлъ личныя сношенія) наиболѣе вліятельные суть: Куренкей, родственникъ Тойчубека, Декабмай и Байсерке. (Вѣроятно, есть и другіе). Батырей этихъ также весьма полезно бы было приласкать и стараться держать въ добромъ къ намъ расположеніи.

О Тойчубекѣ обязываюсь еще доложить, что онъ при всемъ томъ, что въ душѣ не очень любитъ русскихъ, оказалъ все возможное вниманіе къ нашему небольшому каравану—первому русскому каравану, который прошелъ чрезъ ихъ мѣста, на возвратномъ пути изъ Кульджи ³⁾. Султанъ Хакимъ вмѣстѣ съ нимъ кочующій, не смотря на то, что мы обратились не къ нему, а

¹⁾ У хана Аблая было два сына: Адиль и Сюкъ (Сюкъ Аблай-хановъ находящійся еще въ живыхъ и кочующій на Караталѣ).

Отъ Адиля (давно умершаго) произошла большая часть нынѣшнихъ юсунскихъ султановъ. Его дѣти были: Куланъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ между киргизами (онъ померъ тому лѣтъ 15), Галий, Иргали и другіе, отъ которыхъ произошло еще множество султановъ.

Галий и Иргали живы и первый изъ нихъ (Галий) всегда считался между киргизскими султанами разумнѣйшимъ. Теперь онъ и по лѣтамъ своимъ и по уму имѣетъ особенное вліяніе на юсунцевъ; затѣмъ помянутый султанъ Хакимъ, какъ старшій сынъ покойнаго Кулана.

Въ прошломъ году, когда у юсунцевъ рѣшался вопросъ: проситься ли имъ въ русское подданство или нѣтъ, то съѣздъ для рѣшенія сего дѣла былъ у султана Галия и потомъ также былъ въ числѣ главныхъ султанъ Хакимъ.

²⁾ Если онъ и заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе, то только потому, что братъ Галия и вмѣстѣ съ нимъ кочуетъ. По слухамъ въ Большой Ордѣ прошедшей осенью онъ собирался ѣхать въ Омскъ въ качествѣ депутата отъ юсунцевъ, но пріѣздъ къ юсунамъ нашего Бикходжи заставилъ его отменить это намѣреніе.

³⁾ Племянникъ его Исенбекъ и сынъ его же, Тойчубека, Джанъ ходжи были употребляемы дулатами по дѣлу объ удовлетвореніи нашихъ Найма-новъ. Они много тутъ содѣйствовали и, казалось, было бы не безполезно при случаѣ чѣмъ-нибудь ихъ отличить.

къ Тойчубеку, лицу второстепенному, также не сдѣлалъ ни малѣйшаго затрудненія въ пропускѣ каравана и обошелся съ нами весьма привѣтливо.

Явить имъ за это нѣкоторые знаки вниманія со стороны вашего сіятельства не только не будетъ лишнимъ и тѣмъ болѣе, что они кочуютъ на самомъ караванномъ пути, но, смѣю думать, и впредь можетъ побудить ихъ къ оказанію проходящимъ чрезъ ихъ кочевья русскимъ караванамъ всякаго пособія и покровительства, чтò для торговыхъ видовъ тѣмъ важнѣе, что путь чрезъ Семь-рѣкъ (чрезъ кочевья юсунцевъ) несравненно удобнѣе того, по которому обыкновенно ходятъ въ Кульджу наши караваны. Купцы наши, имѣющіе дѣла съ Кульджею, намѣрены будущимъ же лѣтомъ отправить караванъ по сему новому пути, если только обстоятельства будутъ тому благопріятствовать, т.-е. если юсунцы сохранятъ къ намъ тѣ же отношенія и чувствованія въ какихъ теперь находятся, благодаря распоряженіямъ вашего сіятельства у пограничнаго начальства.

Отношеніе къ Директору Азіатскаго Департамента.

Я уже имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о возвращеніи моемъ и состоящаго при мнѣ губернскаго секретаря Костромитинова въ Семипалатинскъ.

Нынѣ долгомъ поставляю увѣдомить: что вывезенные мною изъ Чугучака и Кульджи товары, на основаніи данныхъ мнѣ предписаній, сданы въ Семипалатинскую таможену; нѣкоторые же изъ нихъ взяты для представленія начальству. Чтò именно взято и чтò оставлено, изволите усмотрѣть изъ прилагаемыхъ при семъ списковъ съ отношенія моего къ г. управляющему таможенею и съ слѣдующихъ къ сему отношенію двухъ приложений.

Взятые изъ таможи вещи, по надлежащей закупкѣ, сданы 27 декабря находящемуся въ Семипалатинскѣ повѣренному московскаго купца Шевелькина, Дмитрію Иванову Антипину, который подрачился ихъ доставить въ Москву за плату по восьми рублей ассигнаціями съ пуда. Всей тяжести оказалось 6 ящиковъ, составившихъ 15 пудовъ 14 фунтовъ, за которые причлось Антипину 122 руб. 80 коп. ассигнаціями; сумма сія выдана ему въ Семипалатинскѣ. По доставленіи означенныхъ ящиковъ въ Москву, оные будутъ тамъ сданы купцу Михайлѣ Дмитріеву Гусеву, къ коему я на сей конецъ выслалъ и накладную съ роспискою на оной Антипина, въ полученіи какъ ящиковъ, такъ и вышеозначенной суммы (копія съ сей наклад-

ной у сего же представляется). Дальнѣйшее всего отправленіе изъ Москвы будетъ устроено по пріѣздѣ моемъ туда. Я надѣюсь быть тамъ ранѣе прихода помянутыхъ тяжестей.

За симъ, обязываюсь доложить, что по полученіи нужныхъ свѣдѣній отъ г. управляющаго семипалатинскою таможеню, я 28 декабря, вмѣстѣ съ губернскимъ секретаремъ Костромитиновымъ отправился въ Омскъ, куда и прибылъ 31 декабря, а на другой день имѣлъ честь представиться къ г. генералъ-губернатору Западной Сибири. По распоряженію его сіятельства, получилъ я здѣсь прогоны и подорожную отъ Омска до Оренбурга. Прогонныхъ денегъ выдано мнѣ по положенію на 6 лошадей 137 руб. 92¹/₂ коп. серебромъ (по расчету 1532¹/₂ версты), а Костромитинову на 2 лошади 45 руб. 97¹/₂ коп., а всего сто восемьдесятъ три рубля девяносто копѣекъ серебромъ.

Обо всемъ этомъ доводя до свѣдѣнія вашего превосходительства, честь имѣю присовокупить, что сего 4-го января я отправляюсь съ г. Костромитиновымъ въ дальнѣйшій путь по указанію начальства.

М а р ш р у т ы .

I. Изъ Семипалатинска въ Чулуцакъ.		Привалы.	Версты
1.	Бишъ-чуку (колодезь).	30	
2.	Кара-мола (на р. Чарѣ)	25	
3.	Аякъ-карауль (на р. Чарѣ)	25	
4.	Урта-карауль (на р. Чарѣ)	20	
5.	Джанъ-аму (при рѣч. Джангалъ)	25	
6.	Айдарлы-кызыль (сопка)	25	
7.	Дубай (сопка)	20	
8.	Пикетъ Караджалъ	20	
9.	Комбектинскій приказъ	30	
10.	Кара-утеуль (рѣчка)	20	
11.	Ювъ-агачъ (рѣчка и лѣсъ)	20	
12.	Бугасъ (рѣчка)	35	
13.	Карабуга-базаръ (рѣчка)	20	
		Итого	470
Караваны совершаютъ этотъ путь въ 12 дней.			
II. Отъ Семипалатинска до Чулуцака чрезъ Алугузъ.		Привалы.	Версты
1.	Пикетъ Улугузъ, при колодезѣ	25	
2.	Колодезь Кургамбай	25	
3.	Колодцы Кызляръ Казганъ	14	

Привалы.	Версты
4. Пикетъ Джарташъ, на ключъ	30
5. Пикетъ Косумбетъ, ко- лодцы	26
6. Пикетъ Аркатъ, на ключъ	26
7. Пикетъ Альчи Надыръ, володцы	24
8. Пикетъ Узунбулакъ, ключъ	24
9. Пикетъ Горькій или Аще-су, володцы . .	26
10. Кой-Тасъ, гора и ключъ, влѣво отъ дороги . .	20
11. Рѣка Аягузъ, выше Новаго приказа 15 в.	25
12. Р. Большой Нарымъ (уроч. Чинъ-ходжа) .	21
13. Ключъ Джалпага-су .	30
14. Р. Караколъ	20
15. Ключъ Кобелега-су у горъ Кызылъ Беледу .	25
16. Р. Урджаръ	22
17. Ключъ Пшукъ Ак- джаръ	18
18. Рѣка Сарымсагты .	22
19. Рѣка Коктерекъ . .	25
20. Уйрянъ-Кона, ключъ и камышы	16
21. Ключъ Кай-чи . . .	14
22. Кит. караулъ Боктума, при ключъ	18
23. Чугучакъ	16

Итого . . 512

Караванъ приходитъ въ Чугу-
чакъ по этому пути въ 15 дней.

III. Отъ Семипалатинска до Кульджи.

Привалы.	Версты
Караваны слѣдуютъ выше- означеннымъ трактомъ (II) до 16-го привала на р. Ур- джаръ	383
17. Уроч. Буркы-агачъ на р. Урджаръ	30
18. Р. Катинъ-су	35
19. Р. Эмиль при уроч. Джангызъ-агачъ . .	16
20. Ключъ Вали-булакъ на вост. сторонѣ озера Алакуля	22
21. Ключъ Уали-булакъ .	21
22. Ключъ Узунъ-булакъ	25
23. Ключъ Кабакъ-булакъ	16
24. Ключъ Кызылъ-Кайнъ	20
25. Колодцы Уланъ-Куль	25
26. Ключъ Кара-Даванъ .	16
27. Кит. караулъ Каптагай, ключъ	11
28. Ключъ Уте-булакъ .	12
29. Кит. караулъ Боротара или Уланъ-Бура . .	27
30. Кит. караулъ Канджага	28
31. Ключъ Кульденекъ-су Проходятъ мимо озера и караула Сайрама.	11
32. Гора Талка, ключи .	37
33. Кит. караулъ Талка .	17
34. Караулъ и деревня Сар- булакъ	25
35. Городъ Кульджа, на р. Или	25

Итого . . 802

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ III

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка 117.

1908.

Поѣздка Н. И. Любимова въ Чугучакъ и Кульджу въ 1845 г., подъ видомъ купца Хóрошева.

(Продолженіе).

Донесеніе о торговлѣ.

Въ донесеніи вашему сіятельству отъ 11 прошлаго февраля, изложивъ подробности, относящіяся собственно до путешествія моего въ западныя города Китая, Чугучакъ и Кульджу, имѣю честь представить теперь свѣдѣнія и наблюденія мои по части торговли, производимой чрезъ Семипалатинскъ ¹⁾ съ западными областями Китая.

Нужнымъ считаю представить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія, дабы дать яснѣйшее понятіе о сей торговлѣ, нынѣшнемъ ея состояніи и основаніяхъ, на коихъ она производится. Свѣдѣнія сіи тѣмъ необходимѣе, что объ образѣ производства ея существуютъ довольно сбивчивыя понятія и она въ подробности еще не была изслѣдована.

Взгляды на прежнее состояніе сей торговли. Не входя здѣсь въ историческія розысканія о началѣ торговыхъ нашихъ сношеній съ западными владѣніями Китая, не распространяясь о предметѣ, который далеко бы отылекъ отъ главныхъ и существенныхъ въ настоящемъ дѣлѣ вопросовъ, я долгомъ поставлю только изъяснить, что торговля наша съ мѣстами, гдѣ нынѣ Чугучакъ и Кульджа, т. е. съ бывшею Джунгаріею, или Зюнгоріею, и городами Восточнаго Туркестана производилась издавна: караваны наши еще въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія ходили въ такъ называемую Калмыцкую Ургу (мѣстопробываніе Джунгарскихъ контайшей, или владѣльцевъ), гдѣ была довольно

¹⁾ Подъ Западными областями Китая разумѣются здѣсь: *Илійская область* (бывшая Джунгарія), въ коей находятся города: Чугучакъ, Кульджа, Урумджи, Баркюль, Хами и проч., и *Кашкарія*, или Восточный Туркестанъ, гдѣ главные города суть: Кашгаръ, Яркентъ, Аксу, Хотенъ и другіе.

значительная по тогдашнему времени мѣна товаровъ. Купцы проникли даже въ Урумджи, одинъ изъ богатыхъ городовъ вынѣшней Илійской области, лежащій ближе къ внутреннимъ Китайскимъ провинціямъ. Къ намъ также приходили тогда караваны изъ Зюнгоріи, и главный торгъ ихъ былъ въ крѣпостяхъ Ямышевской и Семипалатной. Но, по завоеваніи сей страны китайцами, что послѣдовало въ 1755 году, торговля эта совершенно прекратилась: изъ указа 1762 года видно, что за неприходомъ болѣе каравановъ изъ Зюнгоріи велѣно было даже распустить всѣхъ таможенныхъ служителей въ таможенныхъ Семипалатинской и Ямышевской ¹⁾).

Въ послѣдствіи времени, и по основаніи уже китайцами, на новыхъ западныхъ предѣлахъ ихъ, городовъ Кульджи (Или) и Чугучака (Тарбагатай), торговля опять стала возникать, но уже въ другихъ видахъ и, такъ сказать, *тайная*. — Поелику никакими трактатами Россіи съ Китаемъ не было установлено торговли въ помянутыхъ мѣстахъ, и какъ съ другой стороны мѣнковой въ нихъ торгъ свободно былъ разрѣшенъ киргизамъ, — то купцы (болѣею частію азіятцы, у насъ проживавшіе) прибѣгнули къ посредничеству киргизовъ и султановъ ихъ и чрезъ нихъ проложили себѣ первую дорогу въ западные китайскіе города. Они для этого брали письма отъ помянутыхъ султановъ къ мѣстнымъ китайскимъ властямъ (къ чугучакскому амбаню и къ кульджинскому джанджуну, или главнокомандующему); брали также нѣкоторые къ нимъ подарки, состоявшіе обыкновенно въ лошадяхъ, и отъ имени султановъ, *и какъ бы съ ихъ товарами*, являлись уже въ Чугучакъ и Кульджу и производили тамъ торгъ свой. Но потомъ торговля въ Западномъ Китаѣ разрѣшена была и анджанамъ (хокандцамъ и ташкентцамъ), и обычай брать письма мало по малу отмѣнился, или сдѣлался одною пустою формою. Когда именно разрѣшена была со стороны китайскаго правительства торговля ташкентцамъ и хокандцамъ, съ точностію неизвѣстно; но достоверно, что она имъ позволена.

Нынѣшнее состояніе торговли съ Западнымъ Китаемъ. Первые обороты наши съ западомъ Китая, какъ и естественно, были весьма слабы: русскіе купцы вовсе почти въ оныхъ не участвовали, кромѣ татаръ и ташкентцевъ. Главнѣйшая торговля производилась киргизскимъ скотомъ, вымѣниваемымъ купцами отъ киргизовъ и потомъ сбываемымъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ на дѣбы,

¹⁾ Объ этомъ упоминается въ Историческомъ описаніи Россійской коммерціи Чулкова, Т. III, Кн. II, стр. 329.

бязи, кирпичный чай и грубый сабетъ-чай (въ мѣшкахъ). Еще въ 1825 году весь отпускъ нашъ по семипалатинской таможенѣ не превышалъ 256,097 р. асс. (73,170 р. 57 к. сер.), включая тутъ и товары, которые частію шли въ Киргизскую степь и Хокандъ. Но около этого времени вывозъ нашихъ произведеній, особенно же нанки, полуситца, сукна и металлическихъ издѣлій, постепенно сталъ возрастать; а съ 1837 года сталъ являться въ этой торговлѣ (изъ привозныхъ статей) байховый чай, который съ 1839 года замѣтно началъ возрастать, что придадо торговлѣ новое движеніе.

Оборотъ торговли. Впрочемъ, торговля эта и теперь въ сущности еще незначительна и далеко не соотвѣтствуетъ нашимъ ожиданіямъ. Я имѣю честь при семъ представить четыре вѣдомости, полученныя изъ семипалатинской таможи объ отпущенныхъ и привозныхъ чрезъ сію таможеню товарахъ, начиная съ 1825 года по 1844-й включительно, и особо двѣ вѣдомости за 1845 годъ. Таблицы сіи представляютъ весь ходъ торговли за послѣднія 20 лѣтъ и изъ нихъ видно, что въ настоящее время оборотъ нашъ съ Западнымъ Китаемъ простирается на сумму 230,536 р. 17 к. сер., по отпускинымъ статьямъ, и на 254,617 р. 70 к. сер. по привознымъ изъ Китая, а всего на 485,153 р. 80 к. сер. Доходъ же семипалатинской таможи (собственно по торговлѣ же съ западными городами Китая) можно полагать въ 56 тыс. р. сер. по привознымъ и отвознымъ товарамъ¹⁾.

Предметы отпуска. Главные предметы отпуска суть: изъ шерстяныхъ издѣлій — сукно, котораго въ прошломъ году вывезено 11,928 арш. (на 17,936 р. сер.) и драдедамъ, который сталъ идти только съ недавняго времени; изъ бумажныхъ же нанка, составляющая постоянно одну изъ главныхъ статей отпуска (ея отправляется до 500 т. арш., на сумму до 80 тыс. р. сер.), полуситецъ, вейвереть, или плисъ, миткаль, коленкоръ, платки и т. п.; изъ кожаненныхъ — юфтевыя кожи. Затѣмъ отправляется еще не малое количество разныхъ желѣзныхъ, чугунныхъ и мѣдныхъ издѣлій: котловъ, тагановъ, тагильскихъ подносовъ, столовъ и т. п. Прочія статьи отпуска состоятъ въ разныхъ мелочахъ, какъ то: въ фарфоровой посудѣ, мишурѣ, сундукахъ и проч.

¹⁾ Всѣ таможенные доходы за 1845 годъ простирались до 67,848 р. 53 коп. серебромъ; но въ этомъ числѣ заключаются и сборы по торговлѣ съ киргизскою степью и Хокандомъ; послѣдніе составляли въ прошломъ году 11,800 р. сер. съ небольшимъ.

Относительно сихъ отпускныхъ нашихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что большая часть ихъ суть весьма грубыя произведенія фабричной и заводской промышленности: сукно лучшее, какое идетъ въ Чугучакъ и Кульджу, стоитъ не выше 4 р. 50 к. асс. (Мизиритскихъ суконъ вовсе еще нейдетъ въ сію торговлю); плизъ и большая часть бумажныхъ издѣлій (платки, миткаль, коленкоръ, ситецъ) — такой же низкой доброты. Вообще всѣ эти товары не могутъ выдержать никакого сравненія съ кяхтинскими; но тѣмъ не менѣе сбытъ ихъ полезенъ и необходимъ для нашихъ фабрикъ и поддержанія мелкой фабричной промышленности. Замѣчательно еще, что многихъ предметовъ, которые въ кяхтинской торговлѣ составляютъ немаловажныя статьи и которыхъ китайцы съ той стороны постоянно требуютъ, вовсе нѣтъ въ этой торговлѣ, производимой чрезъ Семипалатинскъ; такъ, наприм., вовсе не идетъ чешуйки, мало, или почти не идетъ тика, — двухъ статей, которыя въ кяхтинской отпускной торговлѣ занимаютъ важное мѣсто; то же слѣдуетъ сказать о сафьянахъ и козлахъ. Пушныхъ товаровъ, которые въ огромномъ же количествѣ требуются на Кяхтѣ, также съ этой стороны вовсе не сбывается, а напротивъ, наши купцы вывозятъ изъ Кульджи нѣкоторые пушные товары, какъ, напр., лисицъ и волковъ, доставляемыхъ въ Чугучакъ и Кульджу киргизами.

Привозныя статьи. Привозныя же статьи изъ Китая главнѣйше состоятъ: въ байховомъ черномъ, или такъ называемомъ торговомъ чаѣ, въ кирпичномъ чаѣ, въ бумажныхъ издѣліяхъ (дабахъ и бязяхъ) и въ шелковыхъ матеріяхъ (канфахъ, канчахъ, фанвахъ, чучунчахъ и т. п.). Байховый чай началъ идти, какъ выше сказано, съ недавняго времени и хотя по сравненію съ количествомъ кяхтинскаго чая его вывозится еще незначительная пропорція (по вѣдомостямъ семипалатинской таможни въ 1845 году вывезено было 1.637 пудовъ); но тѣмъ не менѣе онъ уже въ послѣдніе годы сталъ занимать первое мѣсто между привозными товарами изъ Чугучака. Въ Кульджѣ же торговля имъ (для китайцевъ вообще весьма выгодная) также начинаетъ усиливаться; но доселѣ въ Кульджѣ главные товары суть шелковые матеріи и бязи; изъ Чугучака же шелковыхъ матерій вовсе почти не идетъ, и въ этомъ главная разница между чугучавскимъ и кульджинскимъ рынками по предметамъ вывоза. Прежде изъ западнаго Китая не мало также шло къ намъ серебра въ слиткахъ, или такъ называемыхъ ямбъ (его привозилось болѣе 200 пудовъ, какъ въ 1831 и 1833 годахъ); но теперь эта статья значительно упала, и серебра, по срав-

ненію съ прежними годами, доставляется уже немного. (Въ прошломъ году было всего въ привозѣ 43 пуда).

Кто торговцы съ нашей стороны. Производители теперь нашей торговли съ Чугучакомъ и Кульджею суть главнѣйше ташкентцы, съ давняго времени поселившіеся въ Семипалатинскѣ, и наши татары. Изъ русскихъ купцовъ по сіе время участвуютъ въ ней еще весьма не многіе, и тѣ обыкновенно посылаютъ свои товары чрезъ ташкентцевъ же и татаръ, не отваживаясь сами ѣздить въ Чугучакъ и Кульджу. Только два три купца отправляютъ свои товары съ русскими прикащиками, и то въ одинъ Чугучакъ; въ Кульджу же почти исключительно ѣздитъ наши ташкентцы, и вся кульджинская торговля находится, можно сказать, въ ихъ рукахъ: изъ русскихъ въ ней участвуетъ только купецъ Самсоновъ, посылающій туда свои товары съ прикащикомъ. О ташкентцахъ слѣдуетъ однако же замѣтить, что доколѣ наша торговля съ Чугучакомъ и Кульджею не учредится на законныхъ основаніяхъ, азіатцы эти необходимы для торговыхъ сношеній съ западомъ Китая: безъ нихъ кульджинская торговля для насъ не существовала бы.

Немногіе русскіе, которые ѣздитъ теперь въ Чугучакъ (помянутые три прикащика и еще человекъ пять мелкихъ торговцевъ) являются туда подъ видомъ азіатцевъ, переодѣтые въ азіатское платье. Китайцы, впрочемъ, очень хорошо знаютъ, что они русскіе и сами торговцы наши нисколько этого не скрываютъ. Въ Чугучакѣ, напр., я явился хотя тоже въ азіатскомъ платьѣ, но подъ русскимъ именемъ и объявилъ прямо въ китайской таможнѣ, что я русскій. Китайскій чиновникъ при этомъ только съ улыбкою замѣтилъ, что русскимъ не позволено пріѣзжать въ Чугучакъ и затѣмъ безпрепятственно допустилъ къ торгу. Доступность Чугучака для природныхъ русскихъ, конечно, есть явленіе довольно пріятное, но оно еще ничего особеннаго не доказываетъ, какъ увидимъ далѣе, и нисколько не ручается за развитіе сей торговли: доступность эта должна покупаться немалыми жертвованіями и сопряжена съ разными униженіями.

Большихъ капиталистовъ вовсе еще нѣтъ въ этой торговлѣ: самыми значительными купцами въ ней считаются: помянутый купецъ Самсоновъ, ведущій торгъ съ Кульджею и посылающій товаровъ всего на 20 т. р. сер., и Ибрагимъ Амировъ (изъ азіатцевъ), торгующій исключительно съ Чугучакомъ на сумму не болѣе 15 т. р. сер. Изъ прочихъ купцовъ кто торгуетъ тысячи на четыре, кто на пять; остальные и вообще вся масса

суть ничто иное какъ мелочники, которыхъ въ Чугучакъ и Кульджу, и особенно въ первый изъ сихъ городовъ вѣдѣтъ весьма не мало. Для большаго сбыта всякихъ грубыхъ нашихъ издѣлій они также народъ полезный, но нельзя съ другой стороны не сознаться, что мелочники эти, дабы сбыть только скорѣе товаръ свой, портятъ цѣны на русскія произведенія, и тѣмъ наносятъ немалый вредъ этой торговлѣ. Если въ послѣднее время китайскіе товары и въ Чугучакѣ стали доставаться нашимъ купцамъ не дешево, такъ что имъ, безъ особенныхъ незаконныхъ продѣлокъ, трудно иногда сводить концы съ концами, то это явленіе надобно главнѣйше приписать наводненію чугучакскаго рынка всякимъ мелкимъ торгующимъ народомъ, хотя тутъ есть и другія еще причины, о коихъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Торговля съ китайской стороны предоставлена теперь купечеству. Съ китайской стороны производители торговли въ Чугучакѣ и Кульджѣ *суть теперь китайскіе купцы.* Прежде вся эта торговля была исключительно въ рукахъ мѣстнаго китайскаго начальства: пріѣзжавшіе иностранные купцы не иначе могли сбывать пригоняемый ими для промѣна скотъ и разные товары, какъ въ китайскую казну, которая платила за оные дабами и бязями; на сторону же, т. е. китайскимъ купцамъ, дозволялось продавать только то малое количество товаровъ, которое оставалось за промѣномъ въ казну. Отъ этого купцы, пріѣзжавшіе съ русскими товарами, прибѣгали къ разнымъ хитростямъ, чтобы ссрывать отъ взоровъ китайскаго начальства небольшую частицу лучшихъ своихъ товаровъ, за которые отъ казны назначалась та же плата, какъ и за самые посредственные, они прятали ихъ въ своихъ юртахъ, въ землю и т. п.— (Получаемые китайскою казною товары обращались въ жалованье пограничному войску и китайскимъ чиновникамъ; лучшіе изъ нихъ, разумѣется, разбирались джанджуномъ, амбанемъ и таможенными чиновниками. Вымѣниваемые же бараны, рогатый скотъ и лошади, за употребленіемъ изъ всего этого сколько надобно было на казенныя надобности, передавались въ казенные китайскіе табуны, содержимые калмыками въ окрестностяхъ Чугучака и Кульджи).—Но съ большимъ впослѣдствіи развитіемъ торговли, съ большимъ противъ прежняго притокомъ разныхъ мануфактурныхъ товаровъ, которые по времени взяли верхъ надъ торговлею киргизскимъ скотомъ, а можетъ быть и вслѣдствіе неоднократныхъ жалобъ азіатскаго купечества на притѣсненія китайскихъ чиновниковъ, отъ произвола коихъ за-

висѣло назначеніе цѣнъ товарамъ, правительство китайское сочло, наконецъ, нужнымъ измѣнить эти правила и *передать торговлю въ руки китайскихъ купцовъ*. Первоначально измѣненіе это послѣдовало въ Чугучакѣ, гдѣ уже лѣтъ десять купцы наши имѣютъ дѣло съ пріѣзжающими туда китайскими торговцами; въ китайскую же казну представляютъ только, въ видѣ пошлины, десятую часть изъ каждаго привезеннаго ими товара, и то, впрочемъ, не даромъ, а за назначаемую китайскимъ начальствомъ половинную цѣну (сія половинная цѣна опредѣлена, сообразуясь съ базарными цѣнами, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ взятыми, изъ чего составлено родъ тарифнаго положенія). Въ Кульджѣ же новый этотъ порядокъ (дозволеніе продавать китайскимъ купцамъ) возымѣлъ свое дѣйствіе только съ прошлаго 1845 года. Тамъ сдѣлано еще противъ Чугучака то облегченіе, что половинная цѣна за товаръ, *поступающій въ пошлину*, назначена, вслѣдствіе особеннаго ходатайства нашего каравана, большая нежели, какая опредѣлена въ Чугучакѣ.

Вольнаго торго еще нѣтъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ. Конечно, всѣ эти измѣненія для торговли благопріятны; купцы въ силу оныхъ до нѣкоторой степени болѣе противъ прежняго избавлены отъ прижимокъ китайскихъ чиновниковъ; они могутъ также привозить товары въ большемъ количествѣ, имѣя дѣло уже не съ одною казною (потребности коей въ товарахъ всегда ограничены); могутъ привозить и лучшаго качества товары, продавая ихъ по вольной цѣнѣ. Если торговля развилась въ послѣднее время противъ кульджинской, то это должно отчасти приписать вышеизъясненнымъ перемѣнамъ. *Притѣсненія со стороны китайскихъ властей*. Но со всѣмъ этимъ вполнѣ вольнаго торго, свободныхъ и безпрепятственныхъ сношеній съ китайскимъ купечествомъ, еще не существуетъ: торговля все еще находится, такъ сказать, въ когтяхъ китайскихъ чиновниковъ, и почти во всемъ зависитъ отъ ихъ произвола: прежде нежели наприим., разрѣшается купцамъ торгъ съ китайцами, отъ нихъ (кромя товаровъ, слѣдующихъ въ пошлину) вымогаются еще разныя вещи для джанджуна, для амбана, для разныхъ чиновниковъ, и разумѣется, по цѣнамъ весьма низкимъ и въ явный для купцовъ убытокъ; если же послѣдніе не соглашаются отдать за сія низкія цѣны, то начинаются разнаго рода прижимки и притѣсненія. Примѣровъ подобныхъ самопроизвольныхъ поступковъ, грубаго обращенія и обидъ нашему купечеству со стороны китайскихъ чиновниковъ можно бы привести множество;

но довольно сказать, что во время прошлогодняго торгоа въ Кульджѣ всѣхъ насъ, за то только, что не соглашались вдругъ безусловно на всѣ новыя торговыя постановленія китайцевъ и просили сбавки пошлнны, китайское начальство продержало почти цѣлый мѣсяцъ въ осадномъ положеніи, не пропуская ни хлѣба для насъ, ни корма для нашего скота. Бывали даже примѣры, что прїѣзжавшихъ изъ Россіи купцовъ (по счастью не русскихъ, а азїатцевъ) китайское начальство, безъ всякихъ съ ихъ стороны проступковъ, а за то только, что не удовлетворяли иногда его корыстолюбію, подвергало, подъ самыми пустыми предлогами, тѣлесному наказанію ¹⁾). Въ самомъ вниманіи товаровъ, поступающихъ въ пошлину, существуетъ тотъ же произволъ и стѣсненіе: по положенію слѣдуетъ брать одну десятую съ каждаго товара за полцѣны; между тѣмъ въ Чугучакѣ, наприм. въ прошломъ году, съ предъявленныхъ мною товаровъ взято было съ иныхъ гораздо болѣе нежели сколько слѣдовало по ихъ количеству, съ другихъ же, которые китайскимъ чиновникамъ не нравились, вовсе ничего не было взято, и за все назначена была цѣна произвольная: за мизиритское сукно, плизъ и другіе товары, въ пошлину отъ меня поступившіе, назначена была полуцѣна, какъ за подобныя же издѣлія, несравненно низшаго качества, которыя были предъявлены прочими купцами.

Послѣ всего этого легко вообразить себѣ, можетъ ли процвѣтать торговля въ этихъ мѣстахъ, при такомъ положеніи ея! *можетъ ли привлечь она капиталныхъ людей*, безъ коихъ значительной торговли никогда и нигдѣ не существовало!

О пошлинѣ съ Русскихъ товаровъ. О товарахъ, взимаемыхъ теперь китайскимъ правительствомъ въ пошлину, долгомъ считаю еще присовокупить, что назначеніе ихъ то же, какое было и при прежнемъ порядкѣ сей торговли, т. е. лучшіе изъ нихъ идутъ въ карманъ джанджуна и прочихъ китайскихъ властей; другіе же, и весьма уже въ маломъ теперь количествѣ, поступаютъ на жалованье пограничному китайскому войску. Вообще китайская казна тутъ мало выигрываетъ; главный же сборъ ея — собственно съ китайскихъ купцовъ, вымѣнивающихъ отъ насъ товары. Сія послѣдняя пошлина (съ китайскихъ купцовъ)

¹⁾ Такимъ образомъ въ 1839 г., въ Кульджѣ начальнику нашего каравана, прибывшаго изъ Семипалатинска, ташкентцу Мирвопѣ, дано было вѣсколько ударовъ плетми за то только, что онъ пустилъ въ свою юрту китайскаго купца прежде, нежели окончена была торговля съ китайскою казною.

взимается уже не товарами, а деньгами, съ цѣны, по какой вымѣненъ ими товаръ. Она довольно значительна, по 3 фѣнъ съ сари; это составляетъ около 8⁰/о.

Образъ производства самаго торгова. Что касается до образа производства сей торговли, до самаго механизма ея, то по сему предмету слѣдуетъ, во-первыхъ, замѣтить, что ни въ Чугучакѣ, ни въ Кульджѣ для промѣна китайцамъ нашихъ товаровъ не составляется между нашими купцами никакого предварительнаго *положенія* (по чемъ отдавать свой товаръ и по чемъ принимать китайскій): всѣ товары, по привозѣ, представляются въ китайскую таможену и по очисткѣ ихъ пошлиною, по выдачѣ чего слѣдуетъ джанджуну, амбаню и прочимъ чиновникамъ, всякій уже промѣниваетъ по какой хочетъ цѣнѣ китайскимъ купцамъ, не будучи удерживаемъ никакими постановленіями купечества. Самый же промѣнъ дѣлается такимъ образомъ: что сначала русскій и китайскій купцы производятъ расцѣнку своимъ товарамъ; потомъ окончательно условливаются, — и всѣ наединѣ, — какой именно товаръ и сколько какого получить въ обмѣнъ. Расцѣнка товаровъ въ Чугучакѣ дѣлается на дабы, замѣняющія тамъ ходячую монету; въ Кульджѣ же на серебро. Главная при всемъ этомъ трудность съ нашей стороны бываетъ — склонить китайца дать такой именно товаръ, а не другой; что же касается до самыхъ цѣнъ, то онѣ довольно скоро устанавливаются (базарныя цѣны на всѣ главные статьи)¹⁾ и только на первыхъ порахъ, при открытіи торгова, подають поводъ къ нѣкоторымъ спорамъ и возраженіямъ. Обыкновенно китайскіе купцы желаютъ болѣе сбыть байховаго чая; наши же купцы, напротивъ того, въ количествѣ вымѣниваемого товара желаютъ болѣе получить дабъ и кирпичнаго чая, такъ какъ эти статьи представляютъ вѣрный и выгодный сбытъ, расходясь въ значительномъ количествѣ между киргизами и по всей нашей линіи.

Не смотря, однако, на нѣкоторую теперъ неохоту нашихъ купцовъ брать отъ китайцевъ чай, торговля приняла въ последнее время такой оборотъ, особенно въ Чугучакѣ, что купцы находятся въ необходимости брать главнѣйше отъ китайцевъ это произведеніе, т. е. байховый чай ихъ. Въ Чугучакѣ прошлаго года купцы наши къ концу расторожки даже ничего другаго не могли уже получить отъ китайцевъ въ обмѣнъ на свои произведенія, кромѣ чая.

¹⁾ Но цѣны, разумѣется, не такія, какія могли бы устанавливаться, если бы составлялось между нашими купцами *Положеніе о промѣнѣ товаровъ*.

О цѣнахъ на Русскіе и Китайскіе товары и проч. Представляю при семъ выписку изъ особаго отчета о промѣненныхъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ товарахъ. Изъ нея можно видѣть, по чемъ расцѣнены были русскіе товары и по чемъ китайскіе, поступившіе въ обмѣнъ на оныя. Прилагаю также записку о цѣнахъ вообще на главные русскіе и китайскіе товары въ упомянутыхъ двухъ городахъ, съ разными замѣчаніями на оныя китайскихъ купцовъ.

Въ Кульджѣ, кромѣ мѣны, существуетъ также и продажа на чистыя деньги; но уже это болѣе для вслѣдствія мелочныхъ статей, выставляемыхъ для покупателей всѣхъ классовъ. На сихъ мелочахъ торговцы получаютъ иногда значительныя прибыли.

Относительно цѣнъ на наши товары въ Чугучакѣ и Кульджѣ можно вообще сказать, что онѣ довольно выгодны *въ сравненіи съ ихъ покупными цѣнами*; но такъ какъ вѣрный расчетъ о выгодности или невыгодности торговаго оборота, — по сбытѣ въ Россіи вымѣннаго китайскаго товара, — то рассматривая съ этой точки, выводы не всегда будутъ въ пользу нашего купечества. Вообще промѣнъ товаровъ, особенно въ Чугучакѣ, теперь уже не такъ сдѣлался для торговцевъ прибыленъ, какъ былъ прежде тому нѣсколько лѣтъ, и главною причиною, что китайскіе товары въ послѣднее время значительно поднялись въ цѣнахъ ихъ, особенно чай, составляющій теперь, какъ выше было замѣчено, главную статью привозной нашей торговли. Обстоятельство это, въ соединеніи съ тѣмъ, что въ Ирбитѣ, главномъ мѣстѣ сбыта семипалатинскихъ чаевъ), цѣна на чай осталась прежняя и по сравненію съ цѣною на Нижегородской ярмаркѣ весьма низкая, дѣлаетъ то, что торговля чаемъ не можетъ для семипалатинскихъ купцовъ представлять особенныхъ выгодъ, а напротивъ, вести иногда къ явнымъ убыткамъ¹⁾. Купцы, однако, же умѣ-

¹⁾ Представляю здѣсь расчетъ по вымѣну чая въ Чугучакѣ, въ прошломъ 1845 году, на нанку, — главный нашъ товаръ въ Западномъ Китаѣ.

На ящикъ чернаго чая, въ 80 фунтовъ, обыкновенно даютъ 14 кусковъ нанки (она расцѣнивается, при промѣнѣ, въ 11 дабъ за кусокъ; чай же (изъ обыкновенныхъ сортовъ) — въ 150 дабъ ящикъ въ 80 ф. вѣсомъ; итого выходитъ 14 кусковъ нанки за ящикъ чая). Нанка эта стоитъ русскому купцу (считая по 35 к. ас. за аршинъ, а за кусокъ въ коемъ 40 арш., — 14 р. ас.) — 196 р. ас. За провозъ ея отъ Ирбита до Семипалатинска, считая по 3 р. съ пуда, за 2 пуда (вѣсъ 14 кусковъ нанки) — 6 р. ас. За провозъ отъ Семипалатинска до Чугучака (по 1 р. 50 к. ас. съ пуда) — 3 р. ас. Проѣздъ и содержаніе себя въ пути, а также кормъ работниковъ и проч., на что примѣрно

ють урівно́влювати сім не́вгоди провозомъ вымѣ́ннаго ими чая помимо тамо́жни, чему обширность нашей границы даетъ всѣ средства. Огромная контрабанда по Сибирской линіи есть фактъ, не подлежащій сомнѣнію и всѣмъ извѣстный. Таможенное начальство не разъ уже о семъ представляло, изыскивая разныя мѣры пресѣченію сей контрабанды; разумѣется, обыкновенныя мѣры тутъ недостаточны. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о значительности сей контрабанды скажу только, что байховаго чая по семипалатинской тамо́жнѣ за 1845 годъ показано было въ привозѣ и дѣйствительно въ оную предъявлено 1.637 пудовъ (что, по свѣдѣніямъ изъ той же тамо́жни, составляетъ 1.002 ящика); между тѣмъ какъ одинъ только китайскій купецъ въ Чугучаѣ, по собственнымъ словамъ его, промѣниваетъ ежегодно нашимъ купцамъ до 1.000 ящиковъ чая. Количество всего вымѣниваемого нашими торговцами въ Чугучаѣ и Кульджѣ чая можно по самой малой мѣрѣ полагать въ 6 т. ящиковъ¹⁾. Изъ этого можно видѣть сколь велика, по нашей Сибирской линіи контрабанда чаемъ. Непріятнымъ всего этого послѣдствіемъ то, что честнымъ торговцамъ трудно вести эту торговлю²⁾: они всегда противъ торгующихъ контрабанднымъ образомъ останутся въ накла́дѣ, и тѣмъ болѣе, что по теперешнему обороту торговли, также должны будутъ брать отъ китаи́цевъ преимущественно чай. Обстоятельство это въ совокуп-

надобно положить 10 к. на рубль,—20 р. ас. Итого 225 р. ас., или 64 р 29 к. сер., не считая еще процентовъ, которые купецъ долженъ заплатить за взятый имъ товаръ, такъ какъ почти всѣ они торгуютъ въ долгъ.

На нанку эту купецъ получаетъ, какъ выше сказано, ящикъ байховаго чая въ 80 фун. Расходы по сему вымѣненному товару слѣдующіе: заширка ящика — 2 дабы, или на наши деньги 4 р. ас. Провозъ отъ Чугучака до Семипалатинска (считая въ ящикѣ съ укупо́ркою 3 пуда, а за пудъ по 1¼ дабы)—3¾ дабы, или 7 р. 50 к. ас. Пошлина за 80 фунтовъ сего чая по 60 к. сер. съ фунта,—48 р. сер. или 168 р. ас. Провозъ отъ Семипалатинска до Ирбита за 3 пуда—9 р. ас.—Итого (не считая издержекъ по своему проѣзду и содержанію въ обратный путь) 188 р. 58 к. ас., или 53 р. 86 к. сер.

Итакъ, чтобы выручить цѣнность поступившаго въ промѣнъ за ящикъ чая товара своего и всѣ издержки по сему обороту (пошлинныя, провозныя и другія) купцу, по самому строгому расчету, надобно получить за вымѣненный имъ чай 413 р. ас. (118 р. сер.). А цѣна чая въ Ирбитѣ 320 р. ас. и никакъ не болѣе 350 р. ас. за ящикъ. Слѣдственно купецъ не только не выручаетъ своихъ денегъ, но даже теряетъ около 30 р. сер. на каждый ящикъ чая.

¹⁾ Изъ Кульджи вывозится не болѣе 500 ящиковъ.

²⁾ Трудно вести при теперешнемъ ея положеніи, когда она вся въ рукахъ мелкихъ торговцовъ и законнымъ образомъ не установлена.

ности съ разными другими, тоже не можетъ *съ настоящимъ положеніи вещей* слишкомъ заманивать порядочныхъ людей въ сію торговлю, гдѣ не только не представляется имъ особенныхъ выгодъ (не смотря на всѣ трудности, уничтоженія и притѣсненія, какимъ они должны подвергнуться въ китайскихъ городахъ), но явный даже убытокъ, если только будутъ вести дѣла свои частнымъ образомъ. *Уменьшеніе контрабанды*, при учрежденіи сей торговли на правильныхъ основаніяхъ (если когда-нибудь къ этому приступать) *составляетъ важный вопросъ съ этою дѣль.*

На возвышеніе цѣнъ на китайскіе товары отчасти дѣйствуетъ и то, что не составляется, какъ выше было замѣчено, между купцами Положенія о промѣнѣ товаровъ на мѣстѣ, отъ чего мелочники особенно портятъ цѣны. Но дѣло въ томъ, что Положеніе это, о коемъ нѣкоторые изъ купцовъ уже не разъ помышляли, если и можетъ быть составляемо, то только въ Кульджѣ, гдѣ болѣе между ними единства и порядка; а въ Чугучакѣ (гдѣ теперь главный нашъ рынокъ) весьма трудно это сдѣлать и даже, при настоящемъ положеніи вещей, не возможно: по близости Чугучака отъ нашей границы туда пріѣзжаетъ, въ теченіе всего лѣта, множество всякаго народа: и ташкентцы, и бухарцы, и киргизы, и бѣглые наши татары; всѣ съ русскими товарами пріѣзжаютъ въ разное время: одинъ оканчиваетъ свои дѣла, тогда какъ другой только является и начинается ихъ. При такомъ порядкѣ нельзя и думать о составленіи Положенія. Разумѣется это было бы легко и возможно, *если бы съ Чугучакъ появилось болѣе капитальныхъ людей*, которые тогда привлекли бы къ себѣ главную массу китайскихъ товаровъ, и могли бы и дѣлать Положеніе и возвышать, при постоянныхъ и благоразумныхъ усиліяхъ, цѣны на свои товары: въ ихъ рукахъ была бы, такъ сказать, вся оптовая торговля, а тѣмъ осталась бы мелочная, и все могло бы тогда принять другой оборотъ.

О караванныхъ путяхъ съ Чугучакъ и Кульджу. Довончу теперь всѣ эти замѣчанія о нашей торговлѣ съ Западнымъ Китаемъ нѣкоторыми подробностями о самыхъ торговыхъ путяхъ, ведущихъ въ Чугучакъ и Кульджу.

Пути съ Чугучакъ: Изъ Семипалатинска (главнаго и, можно сказать единственнаго пункта, чрезъ который торговля эта производится), ведутъ въ Чугучакъ два пути (оба лежатъ чрезъ Киргизскія степи): одинъ—чрезъ Кокбектинскій нашъ Приказъ и чрезъ Тарбагатайскій хребетъ горъ, который обыкновенно

караваны переѣзжаютъ въ мѣстѣ, называемомъ Сай-асу, и отъ коего по китайскимъ уже владѣніямъ идутъ до самаго Чугучака. Пространство собственно отъ Тарбагатай (южнаго его склона) до Чугучака составляетъ не болѣе 50 верстъ; весь же путь, по расчету нашихъ купцовъ, составляетъ 470 верстъ. Другой путь имѣетъ свое направленіе западнѣе, и именно: *черезъ Аягузскій Приказъ*, и потомъ *черезъ такъ называемый Котель* (переходъ *черезъ Тарбагатай*), и далѣе, до самаго Чугучака, степями киргизовъ, считающихся именательно въ китайскомъ подданствѣ. Разстояніе отъ Семипалатинска до Чугучака по сему послѣднему пути можно считать въ 512 верстъ. Здѣсь прилагаю маршруты какъ тому, такъ и другому изъ вышеозначенныхъ путей. Въ отношеніи къ разнымъ удобствамъ (корму для вьючнаго скота, воды и проч.) какъ тотъ, такъ и другой путь равно удобны, мѣста болѣею частью привольныя; самая же переправа *черезъ Тарбагатай* по Аягузскому тракту, т.-е. *черезъ Котель*, удобнѣе нежели по Кокбектинскому, *черезъ Сай-асу*, хотя и послѣдній не представляетъ особенныхъ затрудненій. Купцы однако же предпочитаютъ послѣдній трактъ, т.-е. Кокбектинскій, по болѣе его краткости. Оба сіи пути могутъ назваться и тележными, хотя доселѣ главная масса товаровъ перевозится на верблюдахъ и только самая незначительная часть на телегахъ. Караваны употребляютъ на переѣздъ отъ Семипалатинска до Чугучака, *черезъ Кокбекты*, 12 и не болѣе 15 дней; *черезъ Аягузъ* же идутъ двумя, или тремя днями долѣе. Обыкновенная цѣна за провозъ товаровъ отъ Семипалатинска до Чугучака 43 к. сер. съ пуда, а въ обратный путь—отъ 55 до 85 к. сер. (1 до 1½ дабы); если же нанимать въ оба конца съ тѣмъ, чтобы въ Чугучакѣ пробыть не болѣе 15 дней, то возчики берутъ 1 р. сер. съ пуда, или около того.

Путь отъ Кульджу. Путь въ Кульджу лежитъ *черезъ тотъ же Аягузскій Приказъ* и *черезъ Котель*, слѣдуя до извѣстнаго пункта, называемаго Урджаръ, по той же дорогѣ, которая ведетъ изъ Аягуза въ Чугучакъ; съ Урджара же караваны, отдѣляясь отъ Чугучакскаго тракта, берутъ направленіе къ югу и слѣдуютъ *мимо озера Алакуля*, по восточной сторонѣ его, и далѣе—*черезъ разные хребты горъ*: Тохту (гдѣ начинаются уже китайскіе караулы), Канджигу и Талку, отъ коей до Кульджи не болѣе 40 верстъ. Путь этотъ, по случаю переправъ *черезъ означенные высокіе хребты горъ*, сопряженъ съ разными трудностями, которыя при обратномъ слѣдованіи изъ Кульджи (что

обыкновенно бываетъ въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ) увеличиваются отъ недостатка въ иныхъ мѣстахъ топлива и отъ скудности, мѣстами же, подножнаго корма. Разстояніе отъ Семипалатинска до Кульджи по сему пути считаютъ приблизительно въ 830 верстъ. Его можно совершить въ 25 дней съ небольшимъ. Товары въ Кульджу иначе не возятся (по затруднительности вышеозначенныхъ переправъ чрезъ горы), какъ вьюками на верблюдахъ. Цѣна за наемъ вьючнаго верблюда, поднимающаго не болѣе 12 пудовъ клади, въ оба конца—70 р. асс., слѣдственно менѣе 6 р. асс. съ пуда; но купцы обыкновенно перевозятъ на собственныхъ своихъ верблюдахъ, которыхъ нарочно для этого содержатъ въ Киргизской нашей степи.

Новый путь въ Кульджу. Кромѣ вышеозначеннаго пути въ Кульджу есть другой путь, гораздо удобнѣйшій, и именно: чрезъ такъ называемыя *Семь-рѣкъ*, или Большую Орду. Слѣдуя по сему пути, караваны могутъ избавиться отъ трудностей, выше сего исчисленныхъ: по оному одна только переправа чрезъ Югантасъ (отрасль Алатаускаго хребта) и то нисколько незатруднительная; а затѣмъ — корма для скота, топлива, воды и т. п. въ изобиліи. Купцы однако же не ѣздятъ по сему тракту, опасаясь своевольства и всякихъ насилій со стороны киргизовъ Большой Орды. Въ прошломъ 1845 году учиненъ былъ мною первый опытъ слѣдованія по сему пути, изъ Кульджи въ Семипалатинскъ и опытъ этотъ вполне убѣдилъ въ превосходствѣ сей дороги предъ тою, по коей доселѣ ходили наши караваны. Сямъ двумъ путямъ въ Кульджу имѣю честь у сего же представить подробные маршруты.

Безопасны ли означенные пути? Что касается до вопроса о безопасности вышеозначенныхъ караванныхъ путей, то о Чугучавскихъ двухъ путяхъ можно вообще сказать, что слѣдованіе по онымъ до Тарбагатая, чрезъ степи нашихъ киргизовъ Средней Орды, совершенно безопасно. Но что касается до степей, лежащихъ по ту сторону помнутаго хребта горъ, гдѣ кочуютъ киргизы, извѣстные подъ названіемъ Байджигитовъ, считающіеся въ китайскомъ, или, лучше сказать, ни въ чемъ подданствѣ, то хотя ординцы эти въ послѣднее время сдѣлались противъ прежняго смирнѣе, но тѣмъ не менѣе мѣста эти, (т.-е. все пространство отъ Тарбагатая до Чугучака) не могутъ еще считаться совершенно безопасными для слѣдованія каравановъ, по временамъ бывають тамъ со стороны Байджигитовъ шалости и грабежи: въ прошломъ году, при Котели, они ограбили нашего толмача изъ Аягузскаго приказа, и неподалеку

отъ Сай-асу напали (прошлою же осенью) на небольшой караванецъ, возвращавшійся изъ Чугучака и принадлежавшій одному татарину, котораго убили. Путь въ Кульджу (обыкновенный путь, по коему караваны доселѣ слѣдовали) пролегаетъ, по минованіи Тарбагатая, чрезъ кочевья тѣхъ же Байджигитовъ и потомъ чрезъ кочевья Кызайцевъ, которые считаются еще большими грабителями. По степямъ сихъ кыргизовъ прежде караваны иначе не ходили какъ въ сопровожденіи казачьей команды, которая, по распоряженію начальства, отряжалась для сего изъ Аягузскаго приказа, и только съ 1839 года (со времени поимки извѣстнаго своими разбоями султана Сиванкула), купцы стали уже ходить одни, безъ казачьихъ командъ. Впрочемъ, они и теперь въ Кульджу иначе не могутъ пускаться, какъ всегда большимъ караваномъ. Обстоятельство это дѣлаетъ то, что въ Кульджу изъ Семипалатинска купцы отправляютъ караванъ только *единожды въ годъ*, (въ іюнѣ, или въ іюлѣ мѣсяцѣ), тогда какъ въ Чугучакъ, по большей безопасности пути, торговцы ѣздятъ безпрестанно, въ теченіе всего лѣта, небольшими караванами.

На счетъ же *новаго пути* въ Кульджу, чрезъ Семь-рѣкъ, слѣдуетъ замѣтить, что хотя купцы, считая сей путь самымъ опаснымъ, доселѣ по оному не ѣздили, но отношенія къ намъ кыргизовъ Большой Орды теперь начинаютъ измѣняться къ лучшему, и безопасность сего новаго пути будетъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ мѣръ, которыя приметъ Правительство въ отношеніи къ упомянутымъ кыргизамъ.

Можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ сдѣлаться для насъ значительною? Изложивъ всѣ таковыя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи торговли нашей съ Чугучакомъ и Кульджею, — свѣдѣнія, служащія вмѣстѣ и отвѣтомъ на нѣкоторые пункты данной мнѣ Инструкціи, — приступаю теперь къ главному и существенному вопросу, и именно: можетъ ли торговля съ Западнымъ Китаемъ развиваться и сдѣлаться значительною?

Отвѣчаю положительно и по внутреннему моему убѣжденію, что *можетъ*, если только будетъ существовать на другихъ основаніяхъ, если будетъ установлена правильнымъ образомъ, по обоюдному согласію нашего и китайскаго правительствъ.

Возраженіе, что она доселѣ не представляла ничего значительнаго, что въ теченіе десятковъ лѣтъ не развивалась въ желаемой степени, еще ничего не доказываетъ. Изъ нѣсколькихъ указаній, выше сего сдѣланныхъ на стѣснительное ея положеніе, уже видно, можетъ ли она желательнымъ образомъ раз-

виваться при теперешнемъ порядкѣ вещей. Надобно еще удивляться, что она существуетъ.

Чтобы представить болѣе убѣдительные всему этому доводы, полагаю, что прежде надобно вникнуть въ вопросы: какъ велика въ Чугучакѣ и въ Кульджѣ потребность на наши произведенія? Куда идутъ оттуда наши товары? Велики ли рынки, гдѣ оныя сбываются китайскими купцами? Начну прежде съ изложенія свѣдѣній о мѣстахъ, потребляющихъ наши произведенія въ Западномъ Китаѣ. Изъ всѣхъ показаній о семъ китайцевъ и нашихъ купцовъ видно, что русскіе товары, по вымѣнѣ ихъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ, отправляются китайцами *въ городъ Урумджи*, отстоящій отъ Чугучака на 15 дней караваннаго хода, а отъ Кульджи на 18. Урумджи, въ коему ведетъ весьма удобная тележная дорога, есть одинъ изъ богатыхъ городовъ Илійской области. Тамъ находятся главныя конторы китайскаго купечества, производящаго торгъ въ Чугучакѣ и Кульджѣ и торгъ съ Кашкаріею. Товары наши, по полученіи, отправляются изъ Урумджи частію въ Кашкарію (въ города Яркенъ, Кашгаръ, Аксу, Хотенъ и другіе, гдѣ тоже у китайскихъ купцовъ имѣются конторы), а частію *во внутреннія провинціи* (западнаы) Китая. Въ Кашкарію идутъ преимущественно всѣ бумажныя издѣлія, какъ то: нанка, ситецъ, коленкоръ, миткаль и т. п., а въ Китай,—въ провинціи, прилегающія къ Западнымъ его владѣніямъ,—часть нашихъ суконъ и драдедамовъ, а также плизъ, за распродажею другой ихъ части собственно въ Илійской области. Кожевенныя же издѣлія, чугуныя и желѣзныя—главнѣйше расходятся между калмыками и киргизами.

И такъ, для сбыта нашихъ произведеній на западѣ Китая, представляются: во-первыхъ, *Илійская область*, съ городами Чугучакомъ, Хами и другими; во-вторыхъ, *Кашкарія*, съ массою своего народонаселенія и съ многочисленными городами, выше сего означенными, и затѣмъ еще *внутреннія провинціи Китая*: Гань-су, Сы-чуань и другія. Что же касается до существующей во всѣхъ этихъ мѣстахъ потребности на наши произведенія и особенно на мануфактурныя, то достаточно сказать, что съ нѣкотораго времени проникли въ Кашкарію даже англійскіе товары и проникли въ значительномъ количествѣ, особенно миткаль, коленкоръ, ситецъ и драдедамы. Китайскіе купцы, несмотря на огромность разстоянія до Кашкаріи отъ главныхъ мѣстъ закупа ими англійскихъ внутри Китая товаровъ, нашли для себя выгоднымъ дѣлать подобные обороты и отправлять помянутыя товары въ

Кашкарію. Привозъ туда сихъ англійскихъ издѣлій, какъ свѣдѣвали мнѣ сами китайскіе купцы, въ послѣднее время съ каждымъ годомъ сталъ увеличиваться: одинъ торговый домъ въ Урумджи пересылаетъ ежегодно въ Кашкарію не менѣе какъ 20 т. кусковъ англійскаго миткала. Миткаль этотъ даже появился въ Кульджѣ, и я для образца вывезъ одинъ кусокъ онаго съ англійскимъ клеймомъ. Спрашивается: какимъ образомъ могли бы проникнуть эти товары въ край столь для нихъ, по видимому, недоступный, проходить изъ *Китая* (не изъ *Индіи*), чрезъ всѣ внутреннія Китайскія провинціи, на Западную оконечность сего государства, во внѣшнія его области, если бы наши произведенія удовлетворяли потребностямъ жителей этихъ мѣстъ, которыя, по географическому положенію ихъ исключительно должны бы были снабжаться нашими товарами? (Отъ Кульджи до ближайшихъ городовъ Кашкаріи всего 10 дней караваннаго хода).

Замѣчательное также обстоятельство и которое тоже можно бы ручаться за развитіе торговли, если бы торговля была открыта—это, что всѣ китайскіе купцы, съ нами торгующіе въ Чугучакѣ и Кульджѣ, суть шансійцы, жители той же шансійской провинціи, изъ которой всѣ купцы, производящіе торгъ на Кяхтѣ, и всѣ они, какъ и на Кяхтѣ, торгуютъ также кампаніями, или торговыми домами, состоящими изъ нѣсколькихъ участниковъ. Главныя ихъ конторы, какъ выше сказано, находятся въ Урумджи, а урумджинскія завѣдываютъ находящимся отъ тѣхъ же торговыхъ домовъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и въ разныхъ городахъ Кашкаріи, посылая отчеты въ Шанси, гдѣ остаются главные хозяева¹⁾. Въ Кульджѣ имѣется до 30 человекъ купцовъ отъ этихъ торговыхъ домовъ; въ Чугучакѣ же человекъ 10, или 15, но изъ нихъ три отъ домовъ весьма значительныхъ. Если бы въ Чугучакѣ и Кульджу болѣе привозилось нашихъ произведеній, то и китайскіе купцы могли бы доставлять своихъ товаровъ въ обмѣнъ сколько угодно; но привозятъ теперь, разумѣется, сообразуясь съ положеніемъ рынка, съ количествомъ нашихъ привозныхъ товаровъ. Это говорили мнѣ сами китайцы и справедливость словъ ихъ, между прочимъ, подтверждается и самымъ появленіемъ и распространеніемъ въ семипалатинской

¹⁾ Дорога отъ Урумджи до внутреннихъ провинцій Китая, сначала идетъ тѣлѣжная до города Хами, а далѣе до крѣпости Дзя-юй-гуань (до великой Китайской стѣны) хотя уже лежитъ черезъ пески, но къ переходу каравановъ не представляетъ, по отзыву китайскихъ купцовъ, никакихъ особенныхъ затрудненій; по ней товары обыкновенно возятся на верблюдахъ.

торговлѣ байховаго чая. Мы долгое время полагали, что чайной торговли съ западомъ Китая быть не можетъ, что тамъ могутъ вымѣниваться только нѣкоторые бумажныя и шелковыя издѣлія, кирпичный чай и грубый сабетъ-чай; полагали такъ, основываясь на долгодѣтнемъ опытѣ, на томъ, что въ теченіе цѣлыхъ десяти-коихъ лѣтъ, какъ существуетъ эта торговля, не привозилось къ намъ байховаго чая. Но вотъ вдругъ купцы наши пожелали имѣть его; стали съ охотою разбирать первые появившіеся чай и лишь только китайцы замѣтили это стремленіе и убѣдились въ возможности ввести сію новую статью въ ихъ торговлю, какъ въ самое непродолжительное время стали привозить байховаго чая, можетъ быть, въ большемъ количествѣ, нежели сколько купцы наши желали бы теперь имѣть его. Достойно также вниманія, что чай, который къ намъ идетъ изъ Чугучака и Кульджи, есть тотъ же фуцзянскій чай, т. е. добываемый въ Фуцзяни, (откуда идутъ къ намъ всѣ байховые чаи), а не изъ другой какой либо провинціи, какъ нѣкоторые думали; это также мы говорили сами китайскіе купцы. Они главнѣйше закупаютъ его въ Шанси отъ купцовъ, имѣющихъ непосредственныя дѣла съ Фуцзянью, (вѣроятно отъ тѣхъ, которые производятъ торгъ съ Кяхтою, какъ главныхъ закупщиковъ чая въ Фуцзяни); но нѣкоторые китайскіе дома, въ Чугучакѣ и Кульджѣ торгующіе, недавно вошли сами въ непосредственныя сношенія съ Фуцзянью и стали отправлять туда своихъ коммиссіонеровъ, для закупки чая. Теперь въ чугучакскую и кульджинскую торговлю идутъ, изъ байховыхъ чаевъ, одни только торговые, или черные, которые съ каждымъ годомъ улучшаются, такъ что хорошіе сорта ихъ не уступаютъ нисколько кяхтинскимъ. Цвѣточныхъ же чаевъ хотя еще нѣтъ въ оборотѣ сей торговли; но нѣкоторые китайскіе купцы уже дѣлали опыты ихъ вывоза и надобно ожидать, что со временемъ и сіи чаи будутъ тѣми же путями доставляться въ Семипалатинскъ.

Изъ всего вышесказаннаго, кажется, не обинуясь можно вывести заключеніе: *что торговля съ западными областями Китая можетъ развиваться, при нѣкоторыхъ, разумѣется, для сего условіяхъ (если устранятся существующія препятствія).*

Не произведетъ ли развитіе семипалатинской торговли вреда для кяхтинской? Здѣсь по порядку слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ: не повредитъ ли ея развитіе кяхтинской торговлѣ? По сему предмету прежде всего долгомъ считаю замѣтить, что мѣста потребленія въ самомъ Китаѣ нашихъ произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ, совершенно иныя нежели тѣ, гдѣ потребляются

русскія же произведенія, идущія черезъ Кяхту. Для первыхъ какъ выше сего было объяснено, представляются: Илійская область, Кашгарія и частью западныя провинціи внутренняго Китая; для кяхтинскихъ же товаровъ вся сѣверная, а частью средняя и южная его полосы. Доказательствомъ сей разности мѣстъ потребленія нашихъ произведеній въ Китаѣ (произведеній, идущихъ чрезъ Семипалатинскъ и промѣниваемыхъ на Кяхтѣ), служить между прочимъ и то, что многія изъ статей весьма важныхъ въ отпускной кяхтинской торговлѣ, какъ наприм., чешуйка, тигъ и всѣ пушные товары, не находятся въ торговлѣ семипалатинской; слѣдственно и въ самомъ Китаѣ товары наши, чрезъ Чугучакъ и Кульджу получаемые, имѣютъ другихъ потребителей. Къ этому должно еще присовокупить, что по обширности Китайскаго государства, по огромности народонаселенія его, можно быть почти увѣрену, что какъ бы ни распространились наши съ нимъ торговыя сношенія, недостатка въ рынкахъ для русскихъ произведеній тамъ не будетъ и ожидать тѣсноты въ этомъ отношеніи едва ли возможно. Все это ведетъ къ тому заключенію, что отпускъ нашихъ товаровъ въ самой Кяхтѣ, отъ усиленія отпуска чрезъ Семипалатинскъ, сколько мнѣ кажется, не можетъ уменьшиться: требованія на нихъ въ Китаѣ отъ того не измѣнятся. Одно, что только можно сказать, это, что съ большимъ распространеніемъ торговли въ западныхъ областяхъ Китая, безъ сомнѣнія будетъ увеличиваться и самый привозъ къ намъ байховаго чая, и слѣдственно кяхтинскіе купцы въ этомъ отношеніи встрѣтятъ въ семипалатинскихъ купцахъ какъ бы соперниковъ собственно по чайной торговлѣ на внутреннихъ рынкахъ Россіи. Но ужели обстоятельство это должно удерживать отъ открытія для фабричной и мануфактурной промышленности нашей большихъ истоковъ, въ коихъ она нуждается, и подвергать ее опасности (въ случаѣ какихъ-либо размолвокъ нашихъ купцовъ съ китайскими на Кяхтѣ) оставаться, такъ сказать, въ застоѣ, безъ движенія, и въ необходимости уменьшать производство нѣкоторыхъ издѣлій (закрывать фабрики, какъ этому уже были примѣры, послѣ несостоянія расторжки на Кяхтѣ въ 1843 году)! При существованіи семипалатинской торговли въ желаемыхъ размѣрахъ и подобное явленіе на Кяхтѣ (остановка тамъ торговли) уже не будетъ сопровождаться столь непріятными для нашей промышленности послѣдствіями

Къ вышеизложенному долгомъ считаю присовокупить, что если бы даже семипалатинская торговля, по бѣльшей близости Чугучака и Кульджи отъ внутреннихъ нашихъ рынковъ,

со временемъ развилась до того, что привлекла бы къ себѣ главную массу нашихъ товаровъ (что, конечно, даже при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ скоро совершиться не можетъ), то и въ такомъ случаѣ нельзя ожидать вредныхъ отъ сего послѣдствій ни для нашей промышленности вообще, ни для сибирской въ частности. Для Россіи все равно—тѣмъ или другимъ путемъ будетъ болѣе идти нашихъ произведеній, лишь бы шло ихъ болѣе. А что касается до Сибири, то пушная торговля всегда останется за Бяхтою: звѣринные промышленники слѣдственно пострадать ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Относительно же всѣхъ промышляющихъ по сибирскому тракту провозомъ бяхтинскихъ товаровъ слѣдуетъ замѣтить, что положеніе ихъ теперь измѣнилось и, при распространившемся въ Сибири золотодобываніи, благосостояніе ихъ уже не такъ связано съ вышеизъясненнымъ промысломъ (извозомъ товаровъ).